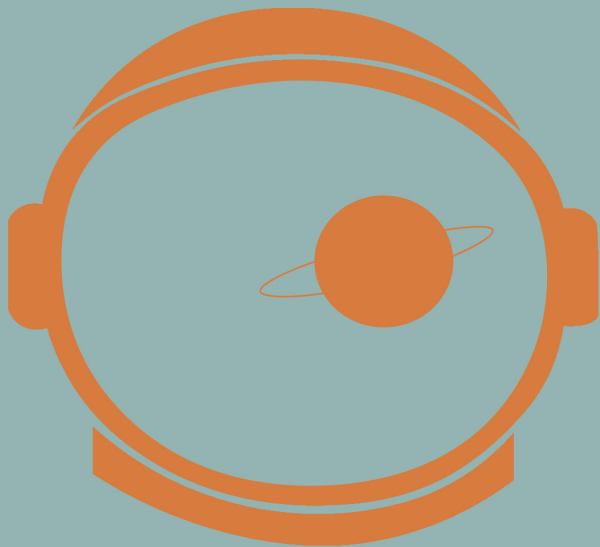

ЕВГЕНИЙ ЩЕПЕТНОВ

СЛАВА.
ГЛАДИАТОР
ПОНЕВОЛЕ

Евгений Владимирович Щепетнов

Слава. Гладиатор поневоле

Серия «Слава», книга 1

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5326964

Слава. Гладиатор поневоле: Фантастический роман: Альфа-книга;

Москва; 2013

ISBN 978-5-9922-1419-2

Аннотация

Возвращаясь домой с работы, ты рассчитываешь, что сейчас насладишься банкой пива и горячим борщом? Нет, не выйдет! За углом тебя уже ждет космический корабль работорговцев – зеленых человечков. Смешных? Да ничего смешного в них нет: ужас, грязь, смерть и унижение – вот что тебя ждет на гладиаторской арене! Ты будешь биться за свою жизнь и за жизнь ставших тебе близкими людей, стиснув зубы, покрытый кровью и ранами! Выживешь ли ты? Не потеряешь ли человеческий облик? Зависит только от тебя! А пока перед тобой – очередной монстр! Вперед, Слава! И пусть не дрогнет твоя рука!

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	43
Глава 3	81
Глава 4	118
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Евгений Щепетнов

Гладиатор поневоле

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог

Удар! Еще удар!

«Где у этого чертова маркума мозг? Вспоминай, Слава! Один, маленький, в голове, другой возле позвоночника, на спине! Оп! Кувырок, отбил удар – и чуть не снес голову, скотина двухметровая. Хорошо хоть скорость у него не такая, как у меня... Подкат! Ага! Без одной ноги-то не побегаешь, да?! Славно я ему колено разрубил! Теперь зайти со спины...»

Прыжок! Кривой клинок, похожий на серп, вонзился в позвоночник фиолетового чудовища, уродливое создание замерло на секунду, а потом начало падать на бок, мелко подергиваясь и суча ножищами в сапогах со стальными шипами – именно ими оно собиралось выпустить кишки человеку.

Слава устало облокотился на барьер и посмотрел вокруг – трибуны молчали. Не понравился бой? Он опустил глаза и глянул на лежащих на арене монстров – один против трех, это было довольно сложно, не курице голову отрубить... чего эти твари молчат?!

И тут как будто в ответ на его мысли амфитеатр взорвался криками, ревом и трубными голосами тех, кто наблюдал за боем и делал ставки. Существа встали с мест и начали размахивать руками, щупальцами, хоботами и всеми частями тел,

которыми можно махать. Одни радовались тому, что он выиграл, и подсчитывали барыши (на него ставили один к двадцати), другие негодовали и вопили, что их надули – выставили на арену не обычного гуманоида, а модифицированно-го. Впрочем, все было как всегда. Всегда имелись недовольные проигрышем. Наконец дверь в стене арены раскрылась и появились охранники с нацеленными на гладиатора лучеметами. Старший, сняв черный непрозрачный шлем с острым клиновидным забралом, сказал:

– Давай в казарму. Сегодня ты честно заработал свой ужин. Сейчас тебе прилепят медицинского слизняка, потом в душ, и можешь быть свободен... ну... почти свободен. В пределах казармы. – Охранник усмехнулся и громко хлопнул по плечу хмурого человека, потом пошел вперед, не оглядываясь и не проверяя, идет за ним гладиатор или нет.

Слава пошел за ним, придерживая разрубленную левую руку. Кровь уже не текла ручейком, как раньше, только капала на пол частыми красными каплями, отмечая его путь маленькими метками, как на экране навигатора.

Глава 1

Вячеслав угрюмо тащился домой после родительского собрания. Оно было нудным, глупым, бесполезным и оставило в душе тяжелый след. Все шло как всегда – он распинаясь по поводу учебы детей, родители делали вид, что им интересно, но явно ждали, когда эта тягомотина закончится и можно будет пойти домой, всыпать своим неслухам-детям, а потом, осуществив родительские контроль и воспитание, со спокойной душой открыть бутылку пива или включить любимый телевизор с сериалом о страстях в шахском гареме.

Слава уже давно не смотрел телевизор – ничего умного из телеящика прийти в голову не могло. Только шум и реклама, реклама, реклама... в те времена, когда он еще заглядывал в этот магический ящик, ему иногда хотелось врезать по экрану чем-то увесистым. Ну а поскольку телевизор все-таки стоил денег, смотреть его он просто перестал. Чем Слава занимался в свободное от проверки тетрадей время? Сидел дома, мечтал, читал книги. Читать книги было его страстью, особенно – научную фантастику. Он иногда вспоминал, как в детстве сидел на скамейке возле дома августовскими вечерами и мечтал, что его заберут инопланетяне. Он, конечно, научится всяким там премудростям, вернется лет этак через триста важным галактическим посланцем – и весь мир, рукоплещая, будет его встречать. Так же как встречали Гагарина

после полета – вся улица в бумаге, все орут. Он иногда думал – а что там за бумага была на улицах? Кто ее кидал? Но из-за возраста знать он этого не мог – ему было всего двадцать девять лет.

Как Слава попал в этот глухой городишко? Да сам напросился – после окончания педагогического института приехал работать учителем русского языка и литературы. Ему, идеалисту чертову, после множества прочитанных книг казалось, что поехать в глушь, дабы нести слово просвещения забытым властью детям – это очень, очень правильно. И вот он, петербуржец в бог знает каком поколении – учитель сельской... хм... ну не сельской, конечно – райцентр все-таки! – школы.

Что сказать... Эйфория скоро, очень скоро прошла. Остались серые, заполненные работой будни, редко прерываемые праздниками, во время которых коллектив школы собирался на сабантуи и нормально глушил водку. Потом наступал «вечер любви», как он его называл, и учительницы, коих в школе было практически девяносто девять процентов (не считая его да трудовика, хромого дедка, не котирующегося в женской среде), договаривались между собой, кто и когда уединится с молодым энергичным учителем литературы.

Обычно это происходило в классе химии – видимо из-за того, что там стояли крепкие столы, которые выдерживали дебелых, охающих и ахающих учительниц. И без разницы – замужем они были или нет – в эти вечера все оказывались

незамужними. А потом наступало отрезвление, а вместе с ним – новые трудовые будни.

Слава чувствовал, как эта пучина затягивает его, но плыл и плыл по течению, боясь признаться себе в том, что Прометей из него не вышло. Он с тоской вспоминал Петербург, давно бы туда свалил, если бы не упрямство и досада – мать предупреждала его, что он не выдержит и сбежит из этой тмутаракани через полгода – он жалкий интеллигент, книжный червь, который без ее помощи и защиты не способен ступить ни шага. Мать была человеком жестким, властолюбивым и своими эскападами добила лишь одного – он фактически сбежал из дома на свободу. Вот только свобода ли это? Вообще непонятно было – как мать его зачала. Вернее, как зачала – технически все понятно, а вот с кем? Он не знал отца – мать отказывалась о нем говорить. Вырос Слава довольно красивым рослым парнем, чем-то похожим на мать, только в мужском варианте. Он подозревал, что в ее жизни не все было просто – работала она переводчицей при туристических группах и моталась с иностранцами (скорее всего так он и появился на свет – не от святого же духа?). Впрочем, все равно никогда не узнает... Да и не интересовался он отцом – жил себе и жил, и за это был благодарен судьбе. А мог бы и не жить. Жены у него не было, девушки тоже. Нечастые развлечения с учительницами кое-как удовлетворяли его тягу к противоположному полу, но он знал, что это ненормально – не иметь постоянной женщины. Впрочем, все

равно спешил домой, чтобы взять в руки очередную книгу и уйти в иной мир, мир более яркий, более красочный, чем тот, в котором он вырос и жил.

Иногда Слава подумывал о том, что хорошо бы жениться, завести семью, его время от времени сватали к какой-нибудь женщине (в женском коллективе все считали своей обязанностью пристроить неженатика к какой-нибудь бабе). Почему-то всегда попадались или разведенки с детьми, или вдовы, тоже с детьми. Он с некоторых пор стал подозревать, что «сводницы» пристраивали к нему своих родственниц, сестер, подруг – чтобы сбросить ношу со своих плеч. Незамужняя сестра или подруга всегда представляет опасность – не дай бог, мужа уведет или просто соблазнит. Пусть уж лучше сидит дома с этим недотепой и не рыпается! А что, мужик завидный – рост сто восемьдесят восемь, блондин с нордическими чертами лица. Ну... немного худоват на местный вкус, так и что – зато выносливый, как все худые. Ручищи – вона какие! Как обнимет... аж косточки трещат! А то, что в очках – так читает слишком много. А повыкидывать книжонки – может, и зрение восстановится. Опять же, говорят, с этим сейчас просто: сделал операцию, вот тебе и зрение восстановилось! Бегает по утрам, не курит, по бабам не таскается... почти. В школе – это не в счет – тут все свои, типа по-родственному!

В общем, плыл Слава по течению, и скорее всего оно притащило бы его в мутное болото, если бы... Но обо всем по

порядку.

Этот вечер, как уже было упомянуто, ничем не отличался от остальных – конечно, кроме родительского собрания по результатам первой четверти. Завтра должны были начаться каникулы, и в его сердце гнездилась радость – не придется тащиться в школу, не нужно будет снова и снова слушать шум и визг в коридорах. А также нытье своих коллег-женщин по поводу несчастной жизни и рассказы о том, что они купили за последнее время – включая шмотки и нижнее белье. Его раздражало, что бабы совсем перестали его стесняться и переодевались прямо при нем – вроде как по-семейному. Или словно он являлся неодушевленным предметом.

На улице было тихо, и хотя наступил конец октября, снег не выпал, лишь деревья раскачивались под ночным ветром, размахивая голыми ветками, сбросившими осеннюю листву.

Слава поежился, поднял воротник – до дома, в котором он жил, идти придется километра два. Этот одноэтажный домик администрация райцентра выделила новому учителю несколько лет назад. Там он и жил. Преимущества частного дома были очевидны – тихо, спокойно, никаких соседей через стену, значит, никто не кричал, не шумел, не мешал. Но очевидны были и неудобства – с частным домом больше хлопот и работы: требуется чистить дорожки от снега, платить за газ, да и отопление котловое. Но в общем-то ему тут нравилось – имелся огородик, в котором он высаживал разные сорта винограда и любовался осенью тяжелыми гроздьями;

было куда поставить машину. Машины у него пока не имелось, но когда-нибудь он ее купит... наверное). В Питере с парковкой проблема! И пробки... А тут – мечта! Впрочем, наверное, он себя все же успокаивал, выискивая преимущества в своей растительной жизни. Человек часто обманывает сам себя, на то он и человек.

Когда Слава подходил к дому (идти осталось метров пятьдесят), ему показалось, что на улице вдруг потемнело. Он удивленно похлопал глазами в очках в недорогой оправе – нет, точно потемнело. Тонкий месяц в небе вдруг перестал светить, словно его заслонило что-то, не пропускающее лучи. Слава поднял голову, вытаращил глаза и замер на месте – над ним висела темная масса, почти не различимая на темном небе. Если бы не то обстоятельство, что эта глыба заслонила луну, учитель даже не смог бы увидеть, что над ним что-то такое есть – так эта штука сливалась с небом. Напоминало сие сооружение железнодорожную цистерну, висящую в воздухе без помощи техники: ни работающих двигателей, ни пламени из дюз, ни бегающих огоньков, как это принято у всякого порядочного НЛО, не было.

Учитель даже не поверил своим глазам и, закрыв их, потрянул головой. Однако «цистерна» никуда не исчезла, а он вдруг почувствовал сонливость, ноги задрожали, и последней его мыслью было: «Вот гадость! Ну почему это случилось со мной...»

Пробудился он, как показалось, от тишины. В мире вооб-

ще не бывает полной тишины – в деревне лают собаки, мычат коровы, в городе сплошной фоновый шум, которого человек не замечает – машины, трамваи, люди – все шумит, все кричит. А тут – в ушах как будто заложило ватой, только слышался непонятно откуда взявшийся звон – дз-з-з-з-з-з... Мозг, отключенный от слуховых раздражителей, пытался таким способом восстановить привычные ощущения, рождал слуховые галлюцинации.

В глаза бил свет, идущий от потолка – белого, как будто это сплошная неоновая лампа. Вячеслав осмотрелся – узкая комнатка, длинная, как пенал, была похожа на купе поезда. Только без верхней полки. И без столика у окна. Собственно, и окон-то не было. «Полка» с упругим материалом, на которой он лежал, гладкий светлый пол, гладкие стены, за которые не цеплялся взгляд, – ничего такого, что помогло бы понять, где он находится. Покопался в памяти – НЛЮ! Тогда он уснул. А теперь – эта комната. Внутри похолодело – чего они хотят? Понятно, что его похитили, – но с какой целью? С детского возраста его понимание инопланетных контактов претерпело огромные изменения – теперь он опасался этих «зеленых человечков» и ничего хорошего от них не ждал.

Собрался с силами, сел на краю кушетки – голова закружилась, сильно захотелось пить. Сколько он находился в беспомощности – день, месяц? Где он вообще находится? Прижал руку к стене – никакой вибрации. Наверное, он сейчас где-то на их базе – говорили, что у инопланетян базы на Луне. Сла-

ва не верил, смеялся – чего им там делать? Если бы прилетели – объявили бы себя, и все. Впрочем, зачем им объявлять о себе? Кто им земляне? Еще раз пощупал стену и усмехнулся – с чего он решил, что должна быть какая-то вибрация? Вибрация – свидетельство низкого уровня технологического развития. Высокоразвитые механизмы при работе не издают никакой вибрации. Если пришельцы сумели построить такие летающие корабли... Какие корабли? Он ругнул себя – опять ушел в область мечтаний – в гадания на кофейной гуще, в рассуждения ни о чем! Может, инопланетяне собирают лучшие умы человечества для каких-то своих целей? Ага. Шашлыки из людей делать и пить кровь, а между делом бегать туда-сюда на своих треножниках-машинах!

От этих мыслей ему стало совсем тошно. Вячеслав рухнул на лежанку, закрыл глаза и провалился в тяжелый сон.

Следующее пробуждение было похоже на предыдущее, только сконцентрировался он немного побыстрее, и первая мысль мелькнула: «Уснул, как будто куда-то провалился! Или газ накачивают, или... гипноизлучатели? А что, вполне может быть. А может, это американцы? А что – воруют людей... нет, какие американцы – это что, до сих пор идет холодная война? Скорее можно было поверить в то, что воруют людей, чтобы разобрать на органы или для опытов. Только вот хрен редьки не слаще... Показались бы наконец-то, что ли? Ну что за уроды! Держат его в неведении!»

Слава встал с «полки», пошел к стене – поверхность вы-

зывала ощущение чего-то монолитного. Постучал – звук шел глухой – стена, как оказалось, мягкая. Потолок – метрах в четырех над головой. Удивился – зачем такой высокий? Помещение действительно походило на узкий пенал – длина четыре-пять метров, высота такая же, а в ширину – метра два. Если это камера – как они справляют нужду? Кстати сказать – его здорово поджало...

Сел на полку, почесал голову – никак не мог избавиться от дурной привычки, принесенной с улицы. Мать всегда его ругала за это – вульгарный жест. Для люмпенов. Он злился по этому поводу – сама-то далеко ушла? Интеллигенция хренова... переводчица Интуриста. Уже потом он узнал, что частенько переводчицы подрабатывали проституцией, частенько стучали в КГБ, вернее, так: и подрабатывали, и стучали – поскольку было положено. Скорее всего, его отцом стал кто-то из прибалтов или шведов – мать была шатенкой, а он оказался блондином с соломенными волосами и рублеными чертами лица.

Вспомнил о лице, потер его ладонями, выдавил из глаз слезы, будто надеялся, что все это ему привиделось, как дурной сон, и исчезнет, когда Вячеслав проснется. Но нет – переполненный мочевой пузырь резко напомнил о том, что это не сон. Хотя – разве во сне подобное не снится? А, все равно, терпеть уже невозможно... Отошел в угол, потом опять лег на кушетку, закинул руки за голову и закрыл глаза. Что-то беспокоило, какая-то мысль... что-то было неправильно.

Вот он сел... потер глаза, слезы выступили, потом – стоп! Как это он потер глаза?! А очки? Где очки? Очков нет! А как же он видит, рассматривает все вокруг? Он с детства полуслепой, в очках ходит! А теперь очков нет?

Вскочил. Сел на полке. Потом, не поверив, стал рассматривать все вокруг – да, видел он чисто. Посмотрел на себя – разглядел руки, ноги – все было по-прежнему. Итак – информации у него ноль, и вместе с тем информации столько, что голова пухнет. А значит... значит... надо... спа-а-ать... Он упал на лежак и отключился.

...Звуки. Удар в бок – больно! Вскочил. Сел на постель. Вытаращил глаза и ужаснулся – перед ним был четверорукый... хм... человек? В общем – существо, у которого четыре руки, лысая пулеобразная голова и очень неприятное лицо с расплюснутым носом и маленькими, выпуклыми, как у рака, глазами. «Голем» что-то сказал, Вячеслав не понял, тогда уродец толкнул его вперед, схватил одной из рук за шкурку (кстати, удалось это представителю инопланетян очень даже легко, несмотря на то, что Слава был довольно высокого для землян роста и весил восемьдесят с лишним килограммов). Короче, учитель полетел как мяч – аккуратно через то место, где раньше была стена. Теперь стены не имелось, его клетушка оказалась открытой, как будто ее взрезали огромным ножом. Автоматически поискал глазами, куда все делось, замешкался и тут же получил такой болезненный удар по ребрам, что перекосялся и дальше шел, уже согнув-

шись. Четверорукий запыхтел, зафыркал – похоже, это означало у него смех.

Обвел глазами помещение – длинный коридор, теряющийся вдали – метров пятьсот, не меньше, и со всех сторон клетушки, клетушки, клетушки... Слава читал об огромных кораблях работорговцев, но неужели тут каждому рабу предоставлялось отдельное помещение? Отдельная клетушка? Впрочем, а почему бы и нет? Каждого надо поймать, каждого сохранить – рачительный хозяин, если хочет довести пойманную рыбу живой, должен позаботиться, чтобы у нее была свежая вода, чтобы она дышала как следует. Вот только зачем им люди?

Потом Вячеслав увидел толпу землян, которую подгоняли несколько «четвероруков» – они держали в руках небольшие палки с хлыстами метра два длиной. Этими хлыстами подгоняли толпу. Учитель с ужасом увидел в ней женщин, стариков, мужчин – разных рас, разных национальностей. Они плакали, молились, что-то кричали. Четверорукие «пастыри», не обращая внимания на крики, подгоняли толпу, поднимали упавших пинками, били сапогами с окованными металлом мысами или теми же хлыстами. Одну женщину вырвало, когда кто-то из охранников хлестнул ее по животу, и пол тут же с шипением всосал рвотные массы.

Вячеслав брел в толпе, стараясь не отставать от основной массы и не вырываться вперед – быть в центре толпы гораздо безопаснее, чем идти с краю – он сразу вывел для себя эту

формулу.

Пройдя с полкилометра, толпа, теперь состоявшая примерно из пятисот человек, завернула по коридору направо и оказалась в огромном зале, в котором спокойно разместилось бы и в десять раз больше существ. Перед толпой возвышалось что-то вроде столов или же выступов из пола, на которых было валом навалено непонятное оборудование – похожие на небольших жучков круглые плоские коробочки диаметром сантиметра полтора. Коробочки валялись кое-как и напоминали тараканов, которых хорошенько протравили ядохимикатами, отчего сейчас они и лежали вот так, кверху ножками.

В конце зала появилась группа людей, первым в которой шел человек земного (ну почти земного!) вида – его кожа была зеленоватой, а глаза имели вертикальные зрачки. Слава заметил это, когда человек подошел поближе. Впрочем, в окружении этого зеленокожего были существа разных рас, глаз учителя выхватил только двух особенно экзотических особей – один был покрыт мягкой шерстью, и Вячеслав отдал бы голову на отсечение, что это женщина, похожая на кошку, второй гуманоид походил на оборотня из сказок и ужасиков – волкообразная морда с торчащими наружу белыми зубами.

Толпа затихла, а человек с зеленой кожей вышел вперед и что-то отрывисто приказал охранникам. Те мгновенно, с завидной для их массивных тел грацией, рванули в толпу и вы-

хватали из нее несколько человек – выбраны люди были, как заметил учитель, по расовым признакам. Негр, китаец (или японец?), европеец – в общем, постарались схватить тех, кто мог представить какую-то расовую группу. Потом по команде охранники схватили со стола «жучков» и приставили к головам своих пленников. «Жучки», к ужасу землян, стали шевелить ножками и двигаться, а потом под крики пленников воткнули эти самые «ножки» в кожу несчастных и укрепились на головах, в районе мозжечка. Крики людей затихли, они застыли в объятиях четвероруких, а весь спектакль стал развиваться дальше по совершенно неожиданному сценарию.

Зеленокожий начал что-то говорить испуганным пленникам с жучками, и было видно, что они каким-то образом начали понимать то, что он говорит. Тогда предводитель ткнул в негра, и тот стал говорить что-то на одном из африканских языков, вращая глазами и шлепая толстыми губами. Потом пришел черед японца – тот тоже что-то сказал, подталкиваемый охранником. До русского языка черед дошел после пятого выступающего. Это была девушка. Вполне симпатичная. В короткой юбке и в колготках. С распутившейся стрелкой – Слава отметил это автоматически, скользнув взглядом по ее стройным ногам. И вот ведь не тот момент, не те мысли в голове, а взгляд все равно скользил по коленкам к юбке, обтягивающей круглую, крепкую попку... Впрочем, внимательно присмотревшись, Слава понял, что на девушке

была не юбка, а юбка-шорты, так это вроде называется. И открыто по самое не хочу, и в то же время все закрыто. Изумительное изобретение, скорее всего, мужчина придумал – чтобы девушки не боялись демонстрировать свои ноги.

– Они хотят, чтобы вы все приложили к головам эти штуки, тогда вы станете понимать и их, и друг друга! Это почти не больно, не бойтесь!

Голос девушки дрожал, на милом личике с расплывшейся от слез тушью кривились губы. У Славы заныло сердце – кто-то сейчас ее ждет, ищет – возлюбленный, отец с матерью... а она вот тут, с жуком на голове! Хотя насчет возлюбленного... девчонке лет восемнадцать, не больше. «И что?! – усмехнулся он про себя. – Я сделался школьным учителем до мозга костей! Они с четырнадцати, а то и двенадцати лет уже все знают о сексе и всю используют знания! В соседней школе два случая беременности у восьмиклассниц, а я тут разглагольствую, утверждаю, что она слишком молода для того, чтобы иметь возлюбленного! Одичал совсем в медвежьем углу...»

Следующий пленник повторил то же самое по-английски, Слава неплохо знал английский – немудрено, при матери-то переводчице.

– Эй, эти уроды говорят, что надо сию пакость на голову посадить, тогда будем их понимать. А кто откажется – накажут. Рожи мне их не нравятся, так что не шутите – лучше нацепите. Я все сказал! – Мужчина лет сорока с красным

лицом, типичный американец, как себе представлял их Слава, отошел в сторону, всем видом показывая, что он ни при чем – только передал слова, и все.

Вячеслав не стал дожидаться окончания речей, он взял со стола устройство и с гадливостью, осторожно, посадил его на свою голову. Стоящая рядом женщина со следами бывшей красоты на сорокалетнем располневшем лице с ужасом проследила за его манипуляциями и истерично взвизгнула по-английски:

– Не имеете права! Я гражданка США! У нас самый большой флот в мире и самая сильная армия! Если вы не доставите нас обратно туда, откуда взяли, вас уничтожат! Я требую американского консула!

Предводитель инопланетян что-то спросил у толпы людей с жуками, и краснолицый здоровяк перевел ему речь женщины. Слава не понял перевода – жук еще ползал по его затылку и не успел укорениться. Когда устройство ввело в него свои щупы, он вздрогнул от боли, на пару секунд потемнело в глазах, потому он и пропустил момент, когда к женщине, качающей права, бросился четверорукий охранник и вытащил ее на площадку перед предводителем.

Женщина пыталась что-то говорить, чего-то требовать, когда зеленокожий со скучающим видом достал из чехла на поясе что-то, похожее на рукоять складного ножа, взял ее в руку, и тут же над рукояткой завибрировал, заструился воздух, словно бы переливаясь в мираже. Вячеслав замер,

он примерно знал, что сейчас произойдет, но такого все же не ожидал: инопланетянин сделал легкое секущее движение наискосок, женщина заткнулась, выпучила глаза, наклонила голову вниз, глядя, как опадает подол платья, напоминающий абажур настольной лампы. Потом половинка ее тела скользнула вниз и с хлюпаньем ударилась в лужу крови, хлынувшей из разрубленного наискосок туловища, как из ушата. Предводитель сделал что-то со своим страшным мечом, мерцание исчезло, оружие успокоилось в своем чехле.

Кровь с шипением впиталась в пол, а тело осталось лежать как памятник глупости и имперским амбициям.

– Ну, кто-то еще хочет что-то сказать? – скучающе спросил предводитель, и Слава с удивлением отметил, что он его прекрасно понимает. – Тогда быстро все надели мкаров!

В толпу побежали четверорукие, они щедро раздавали удары нейронными кнутами. Откуда-то Слава знал, что это за кнуты, знал, что они называются болевиками! Удары сыпались направо и налево, пока один отчаянный парень не возмутился и с яростным криком не набросился на четверорукого, пытаясь отнять кнут. Его тут же сбили с ног, выволокли на площадку перед толпой и начали хлестать болевиками, пока парень не забился в судорогах, пуская пену.

Остановил расправу предводитель, сказав:

– Достаточно. Прыткий парень. Ему еще представится возможность показать себя. Скот нельзя переводить напрасно, скот – денег стоит.

Экзекуция имела успех — все пленники под ухмылки предводителя и его спутников, наблюдавших за процессом, наперебой хватали мкаров и сажали их себе на головы. Через минут десять толпа стояла и ожидала, что скажут захватчики. Вячеслав с интересом наблюдал за действиями своих товарищей по несчастью и думал: «Сколько раз видел в кинохронике колонны советских военнопленных, идущих бесконечным маршем по дорогам в фашистские концентрационные лагеря. И все время бросалось в глаза — немцев с автоматами и собаками в сотни раз меньше, чем этих солдат, — почему, ну почему они не бросаются на фашистов и не пытаются их убить? Ну да, погибнет много народа, но ведь остальные вырвутся! Но каждый думал: «Почему я должен гибнуть первым? А может, я еще и выживу?» — и все сгинули в лагерях смерти... Вот так и тут — ну что там эти четверорукие — их с десяток! Ну хорошо, плюс предводитель со свитой... еще десять — а нас ведь пять сотен как минимум! Почему все боятся? И я боюсь... потому что я лох. Я трусливый лох, трясущийся за свою жизнь, как и все они!»

От этих мыслей стало тошно, и Слава демонстративно сплюнул на пол, как бы утверждая свою независимость и желая хоть как-то нагадить своим поработителям. Естественно, на его «попытку бунта» никто не обратил внимания.

Предводитель терпеливо дождался минуты, когда все успокоились, и начал говорить. Его голос, усиленный каким-то невидимым устройством, летел далеко, доставал до

самых задних рядов. Вячеслав, вслушиваясь в его слова, с ужасом понимал, что теперь он точно попал, да еще как попал! И обратной дороги у него, похоже, нет.

Как оказалось, они находились на борту межгалактического корабля-матки, служащего для поимки «скота», так именовали эти существа тех, кого ловили на провинциальных планетах, не входящих в Союз Планет. Корабль назывался «Мезгрин». Он являлся собственностью человека с зеленой кожей, звали человека Наалок. Слава не вполне понял, почему земляне не знали о том, что их время от времени навещают подобные корабли, почему похищения совершались тайно, но решил узнать об это в дальнейшем, если, конечно, выживет. А вот с этим имелась проблема. Жить ему оставалось до тех пор, пока корабль не пришвартуется к базе на планете Алусия. Суть была в чем – он являлся рабом. Как и остальные пятьсот землян. Их предназначали для того, чтобы они умерли на потеху инопланетной толпе, продержавшись на ринге как можно дольше. И самое главное: вначале устроят большую резню, женщин и мужчин разделят на команды и пустят друг на друга – мужчин – на мужчин, женщин – на женщин. Те, кто выживет, будут обучаться в школе гладиаторов, в конце концов они все равно умрут, но немного позже. То есть – вариантов никаких.

Вячеслав не хотел и не умел убивать, но он и не хотел быть убитым. Альтернативы не имелось: хочешь жить – убивай. Их, насколько можно, подлечили (вот куда делось его пло-

хое зрение!), мкары дали им первоначальные знания – общегалактический язык, на котором говорили все цивилизованные существа, кое-какие сведения о том, как жить в этом мире... и все. Больше никакой информации. Зачем информация скоту, который через несколько дней, а то и часов, умрет, оставив после себя лишь лужу крови и испражнений. Скот, он и есть скот.

Наконец Наалок сообщил, что сейчас они станут дожидаться своей очереди выхода на арену, а пока могут подкрепить силы концентратом из автоматов с едой и питьем.

Слава сразу почувствовал, что ужасно хочет есть, но не рванул к стене, из которой вылетали брикеты, стоило приложить к ней руку в определенном месте, а остался стоять, наблюдая, как народ давится, пробираясь за питательными брикетами. Опять у него возникла ассоциация: так фашисты кидали объедки толпе до безумия голодных красноармейцев, и те дрались за краюху хлеба. «Фашисты неискоренимы – что земные, что инопланетные! – подумалось ему. – Но будь он проклят, если доставит им больше удовольствия, чем это необходимо для выживания».

Через двадцать минут толпа рассосалась и засела чавкать, хрустя жесткими брикетами и шумно всасывая розовую жидкость из пластиковых прозрачных контейнеров – жидкость оказалась хорошим утоляющим жажду средством. А одновременно – легким наркотиком, снимающим усталость и поднимающим настроение. И сексуальное возбужде-

ние. Это он тоже откуда-то знал. Видимо, в мкаре имелись какие-то зачаточные сведения на этот счет.

На вкус брикет напоминал ореховое масло или уплотненные грецкие орехи, а жидкость – залия – была похожа на обычный морс с кисловатым и вяжущим привкусом. Слава равнодушно съел брикет, лишь бы забить желудок и поддерживать силы. Потом сел к стене, закрыл глаза и стал прислушиваться к своим ощущениям – стало полегче, и на душе посветлело. Землянин понимал, что это действует залия, но все равно было гораздо легче, даже несмотря на то, что он знал: это искусственная эйфория. Пленник расслабился, приготовился ждать – то ли смерти, то ли того, что ему грозило помимо смерти.

Рядом услышал пыхтение, крики, жалобный плач. Открыл глаза, посмотрел – здоровенный детина пытался содрать шорты-юбку с той девицы, которая понравилась Славе. Вернее, ноги ее понравились. Вернее... в общем, что-то ему в ней понравилось – может, ноги, может, попа, может, пухлые губки и наивный взгляд голубых глаз, неожиданных у брюнетки (наверное, крашенная).

Шорты уже практически сдались, и рука насильника – туповатого здоровенного парня лет двадцати с кепочкой-восьмиклинкой на голове – уже шарилась между ног. Все вокруг на всякий случай отодвинулись, не желая попасть под раздачу. Так всегда бывает: свидетелей много, а вот помощи дождаться не от кого. Да и свидетели-то сразу исчезают в ка-

кой-то тине, когда узнают, что надо ходить в суд, на допросы к следователю...

Слава терпел, пока не треснули кружевные трусики, и их обрывки не полетели в сторону – как завзятый интеллигент, он не хотел вмешиваться не в свое дело: не его же насилуют! Но стало тошно – насилуют девушку на глазах у сотен людей, и ни одна сука...

– Эй ты, придурок, – оставь девчонку! – Голос после долгого молчания прозвучал надтреснуто и хрипло.

– Кто придурок? – оскалился шпаненок. – Молчи, ботан, а то и тебе вдую! А ты, сучка, не вертись! – Парень пристроился и запыхтел дальше под рыдания девчонки, умоляюще смотревшей на Вячеслава глазами-льдинками.

Слава поднялся, подошел к лежащему на девушке уроду и с размаху, так, что стало больно ноге, пнул его в бок. Хрустнули кости, шпаненок отлетел на метр и заблажил гнусавым голосом:

– Уби-и-ил... убил, сука! Я тебя все равно достану! Я тебя убью, козел! – Слава подошел и с размаху пнул мерзавца, надеясь перед смертью сделать хоть одно хорошее дело – может, зачтется на том свете? Кастрировать такого урода – святое дело!

Шпаненок взвизгнул дурным голосом и потерял сознание. Девушка лихорадочно натягивала на голые бедра в обрывках колготок свои шорты-юбку, привлекавшую взгляды мужиков.

Слава со стыдом почувствовал, что заводится, глядя на ее манипуляции. Но возбуждение прошло, когда он увидел кровавые следы на ее бедрах: «Черт! А девчонка-то была девственницей! Мерзкий урод! Может, ему башку свернуть? Все равно терять уже нечего...» Вячеслав сам удивился столь кровожадным мыслям и усмехнулся – может, его мать согрешила со шведом? А что, потомки викингов – буйный народ... особенно когда нажгутся в Питере. Или это финны нажираются? Да какая разница!

Девчонка осторожно перебралась поближе к нему и тихо спросила:

– Можно я рядом с тобой сяду?

– Сиди, – равнодушно сказал Слава и про себя подумал: «Мне только дружбы теперь не хватало – перед смертью... Да она скорее всего и не выживет – такая мелкая и худая!» Девушка действительно была невысокой, но Слава напрасно принижал ее достоинства – она была хорошо сложена, очень спортивна и, судя по всему, достаточно крепка. Конечно, что она могла сделать против сильного мужика? Драться надо уметь. Тем более сейчас, когда стресс явно уменьшал силы.

– Как тебя звать? – неожиданно спросила девушка. – Я – Лера. Валерия.

– Я Слава, – неохотно ответил он, помолчав с полминуты.

– Ты откуда родом? – не отставала девчонка.

– Из Питера, – с большой неохотой ответил он и предложил: – Давай помолчим, а? Надо подготовиться к тому, что

нас ожидает.

– А что нас ожидает? – с неожиданной дрожью спросила девушка. – Может, мы еще выживем? Ну скажи, Слава, ведь выживем?

Вячеслав посмотрел на трясущиеся губы девчонки и подтвердил:

– Ну, конечно, выживем!

А что он еще мог сказать? Что через несколько часов им выпустят кишки? Что шансов нет ни у него – простого учителя литературы, ни у нее – не сумевшей защитить свою девственность даже от простого хулигана.

Тянулись минуты, переходили в часы – сколько их прошло, Слава не знал. Давно очнулся шпаненок, натянул штаны и отполз от Вячеслава подальше. По его лицу так и читалось: «Ну погоди, я тебя достану!» А время все тянулось...

Наконец прозвучали команды:

– Встать! Всем встать!

Забегали охранники, защелкали болевики, люди с криками, руганью и слезами стали подниматься. «Настал для кого-то последний час!» – подумал Вячеслав.

Их выстроили в колонны, разделили мужчин и женщин. Леру оттолкнули от Вячеслава, и ему почему-то стало тоскливо – была хоть одна живая душа, с которой он мог поговорить. Недолго общались, но бывает так, что искорка проскочила – и все – люди уже не совсем чужие. Впрочем, эта искорка может так же неожиданно потухнуть, Слава об этом

знал. Вот не было у него этой искорки ни с одной из женщин, с которыми он общался, даже при бурном сексе. А тут – пигалица какая-то в драных колготках, с синяками на бедрах, мазками крови на одежде, и поди ж ты... протянулась какая-то нить. Он постарался выбросить девушку из головы и сосредоточился на одной-единственной проблеме, над которой стоило задуматься: как выжить!

Когда Вячеслав наказывал насильника, поразился своей жестокости: никогда не бил человека с такой силой, с желанием если не убить, то покалечить. Покопавшись в собственной душе, пришел к выводу: люди, попадая в экстремальные ситуации, меняются – одни ломаются, становятся мягкими, как воск, текут под напором обстоятельств. Другие – сгибаются, терпят, сжимаются, как пружина, чтобы потом распрямиться и ударить со всей силой – к таким, скорее всего, относился и он, Вячеслав.

Впрочем, повода испытать себя у него до сих пор не было – если не считать случая, когда он выкинул из автобуса пьяного хулигана, одолевшего пассажиров приставаниями и матом. После того как он вышвырнул пьяного отморозка, схватил его за шиворот и метнул со ступенек автобуса, долго думал: «А зачем мне это надо было? Ну доехал бы себе... а если бы тот ударился головой? Меня бы засудили! Зачем полез?!» В общем, пошли нормальные рассуждения стандартного интеллигента, для которого важны только он сам и долгие разглагольствования о роли человека в мироздании.

...Их довели до круглой комнаты, которая, похоже, являлась лифтом или каким-то транспортным средством по типу челнока – это Слава понял, когда его сердце как будто ухнуло вверх, поднявшись до самого горла. «Лифт» был скоростной, но ехать в нем пришлось не менее пятнадцати минут, из чего он заключил, что от места отправления до места назначения большое расстояние – скорее всего десятки километров. Запоздало подумал о том, что нигде – ни на корабле, ни в лифте, он не ощутил невесомости – вероятно, работали гравитационные аппараты, поддерживающие гравитацию на том уровне, на котором она находилась на планете Наалока. Он прикинул – где-то процентов шестьдесят от земной, слишком легким он себя ощущал, да и рост Наалока оказался высоким – при довольно тонких костях. Впрочем, это не мешало инопланетянину двигаться быстро и мягко, словно кошка. Движение, которым зеленокожий разрубил женщину, было таким отработанным, точным и быстрым, что стало ясно – тут действовал специалист и для него этого плевое дело. По прикидкам, рост Наалока был около двух метров, может, чуть побольше. А вот четверорукие оказались гораздо ниже ростом и массивнее, из чего Слава сделал вывод, что гуманоиды с планеты, обладающей большой силой тяжести.

Выйдя из лифта, пленники оказались в большом зале с кушетками. Больше там ничего не было – голые стены, залитые мертвенным светом, люющим с потолка, кушетки, знакомый уже пол, собирающий всю грязь – и больше ниче-

го. Подумалось: а почему пол не жрет ботинки и вообще все неживое, что на него попадает? Стоит компьютер, обслуживающий эту систему, или, может быть... пол живой? Вячеслав пришел к выводу, что одно другого не исключает, и сосредоточился на изучении своих собратьев по несчастью.

Рядом сидел негр, похоже, из какого-то африканского племени (кроме масаев Слава никаких племен не знал и предположил, что это и есть масай). На африканце были набедренная повязка ярко-оранжевого цвета и множество бус тоже ядовитых, кислотных цветов. Лицо негра выражало решимость стоять до конца. Славе подумалось: понимает ли он, куда попал? Где оказался? Эти люди отстали от европейцев в развитии на сотни лет – знает ли он вообще, что такое лифт, что такое космический корабль? А может, и знает – может, они не такие уж дремучие, как думают европейцы. Американцы тоже на полном серьезе считали, что в России все ходят в шапках-ушанках, а по городам бродят медведи. Так и тут...

Слева сидел краснорожий американец – он был хмур, на его широком, немного располневшем лице бродила странная полуулыбка, придававшая ему несколько саркастический вид, будто мужчина смеялся над самим собой.

Заметив интерес Славы, он подмигнул ему и сказал:

– Ты русский, да? У меня предки из России, давным-давно уехали на Аляску. Представляешь – зарекался ездить к любовнице, обещал жене, что покончу с этим делом. А по-

звонила – и полетел к девке! Такая славная девка – двадцать лет, огонь! А мне сорок, и разве можно упустить такой случай? Ну скажи, часто двадцатилетние влюбляются в сорокалетних? Вот и наказал меня Бог. Только вышел от Сильвии, тут эта гадость... Теперь – ни жены, ни Сильвии – никого. Не спрашиваю, как тебя зовут, может, мне придется тебя убить... Извини, ничего личного, но я сделаю все, чтобы выжить. Хочется еще как-то потаскать свой зад по миру – пусть даже по такому дерьмовому, как этот.

– А ты его видел-то, этот мир? – усмехнулся Слава. – Может, он и не такой уж дерьмовый?

– Скорее всего, дерьмовый – грустно парировал собеседник. – Видал, как бабу разрубил этот зеленокожий урод? В хорошем мире так сделали бы? И за что? Просто за небольшую истерику... Знаешь, я не наци, но теперь у меня желание уничтожить всех зеленокожих. Плохая нация! Хороший зеленокожий – мертвый зеленокожий. Кстати, глянь на япошку – или кто он там – китаец, что ли... Сидит, как будто у себя на веранде – никаких тебе волнений, никаких беспокойств – медитирует. Я даже позавидовал. Тут думаешь, вспоминаешь все свои грехи и грешки, а он закрыл глаза – и спокоен! А нигер, – он незаметно кивнул в сторону сидевшего справа масаи, – видал, какой здоровый? Метра два ростом! Попробуй его одолеть, такого гиганта! Интересно, они нас выставят по одному или разделят на команды?

Скоро все выяснилось.

В зал вошел один из помощников Наалока и пролаял, скаля острые зубы:

– Сейчас всех поделят на две команды. Одна команда станет биться против другой. Кто останется жив – получит шанс обучаться дальше. Кто погибнет – негодный скот. За вашей дракой будут смотреть наставники и выбирать себе лучших – для обучения. Остальных отправят на арену, их растерзают звери. Старайтесь показать себя, чтобы вас выбрала лучшая школа бойцов!

Люди зашумели, посыпались какие-то вопросы – но оборотень повернулся и вышел, он решил не обращать внимания на «скот». К людям подскочили охранники и пинками стали разгонять их по разным сторонам зала. Слава заметил, что масаи и американец остались на его стороне, а японца-китайца забросили на противоположную. Он нахмурился – этого вот спокойного узкоглазого стоило бояться больше всего. Впрочем, кто знает, какие неожиданности могут таиться в других людях? Может, вон тот пожилой мужик – мастер кун-фу или тайный убийца спецслужб? А этот парнишка с трясущимися от ужаса губами – специалист по рукопашному бою? Хотя – этот-то точно нет. Того и гляди обмочится...

Между разделенными мужчинами пробежали двое из свиты Наалока – они были почти неотличимы от людей – такие же и ростом, и чертами лица... если бы не вертикальные зрачки – точно можно было бы сказать, что люди. Гуманоиды

ловко тыкали какими-то жезлами в землян, и у одной группы на местах соприкосновения с жезлом возникали красные мерцающие знаки, у второй – синие.

Слава тоже получил такую «печать» на грудь и с интересом заметил, что она пульсирует в такт его сердцу.

Наконец все завершилось, появился оборотень и объявил: – Ваша задача – победить другую команду без оружия. Можно все. Нельзя только добивать потерявшего сознание. И самое главное – нельзя стоять в стороне: пассивные бойцы будут жестко наказаны, может быть, даже убиты. Сейчас подадут команду – красный пульсирующий свет – и вы пойдете вон туда, там откроется проход. Выйдете на арену и станете ждать сигнала. Опять вспыхнет пульсирующий красный свет, и вы наброситесь на противника. Будете бить его что есть силы. Об окончании боя вам скажет тот же сигнал. Не спрашиваю, понятно ли вам: кому непонятно – тот сегодня умрет. Итак, вперед, будущие бойцы!

Запульсировал потолок, залил все красными сполохами, лица присутствующих сразу стали нереальными, как в дурном сне. Зазвучал мерзкий сигнал, напоминающий то ли сигнал «скорой помощи», то ли сигнал полиции, то ли... в общем, у всех без исключения связанный с какими-то дурными воспоминаниями и неприятностями. Ну кроме, может быть, воина масаи – по нему было видно, что он испуган, но из всех сил сдерживается, старается не показать своего страха – мужчина масаи не должен бояться ничего! Ни боли, ни злых

богов, посылающих ему страшные испытания! А что бой – бой, он и есть бой. Масаи готовятся к бою с младенческого возраста.

Колонны бойцов вышли на арену – а она оказалась поистине огромной. Сколько арена составляла в диаметре – определить оказалось невозможно: с два футбольных поля, а может, даже больше.

Слава задумался – как же эти скоты будут видеть происходящее при таких размерах арены? И тут же выругал себя за посторонние мысли – ну какое ему дело, как эти негодяи будут наблюдать за происходящим? Может, у них трансляторы какие-то? Вполне вероятно...

Вячеслав стал лихорадочно вспоминать все, что когда-то читал о рукопашном бое, о единоборствах.

Он не строил иллюзий – никогда в сферу его интересов не входили драки. На него мало нападали – он с детства был довольно высоким и очень сильным. – Когда вырос, глядя на его руки, можно было поверить в то, что некогда люди легко ломали подковы – кисти рук крупные, огромные, перевиты толстыми венами; а его худоба, о которой иногда с интересом рассказывали сексуальные партнерши, не была худобой туберкулезного больного – жилистое, сухое тело, как канатами, перевитое узкими стальными мышцами.

Мать всегда с завистью говорила, что дает же Бог некоторым людям возможность есть что хотят и когда хотят в любое время дня и ночи, и ведь ни черта не полнеют! А тут –

только посмотришь на торт, и уже килограмм веса добавится! Она очень строго следила за своим весом, посещала тренажерные залы, и сколько Слава помнил, у нее всегда водились мужики, и не один. Его мать обладала довольно яркой внешностью и очень нравилась мужчинам. А они – нравились ей.

Похоже, что яркую внешность, которую не портили даже очки, она передала своему сыну, а вот откуда у него взялось жилистое тело с потрясающим обменом веществ – мать говорить отказывалась.

Итак – Вячеслав был довольно высок, выше среднего роста, очень-очень силен, вынослив, по свидетельству его сексуальных партнерш и собственным ощущениям после утренних пробежек. Но при всем при том он знал, что против спеца в рукопашке не простоит и минуты. Вернее, может, и простоит, но недолго. До тех пор, пока спец не отшибет ему голову. Короче, нужно было выработать стратегию боя.

Пока колонны шли к арене, выработал тактику – всегда становиться так, чтобы за спиной не было ни одного врага. Не бить кулаками, носками ног – и так одна нога стала побаливать после того, как пнул шпану, насильника Леры – бить надо тоже уметь, а он, похоже, отбил большой палец ноги. Хорошо еще, если не вывихнул, а только ушиб – болело ощутимо, заставляя не забывать о том, что добрые дела наказуемы. Значит, бить надо локтями, рвать руками, душить, швырять – благо, сила позволяет, а еще – наносить удары «твер-

дым тупым предметом, предположительно головой», как было написано в обессмертившем себя протоколе осмотра тела потерпевшего.

Удары головой, кстати сказать, одни из самых страшных в рукопашке – такими ударами можно покалечить или даже убить, а для наносящего удар – максимум останется синяк на лбу, да потеряет ориентацию на долю секунды. Отдаленные последствия микросотрясений мозга в расчет не шли.

Отряды вышли на арену и по знаку распорядителей выстроились друг против друга нестройными рядами. От вспышек пульсаторов, примостившихся на груди у каждого пленника, рябило в глазах, они сливались в бесконечную волну света, переливающуюся подобно неоновым огням рекламы. На лицах людей были написаны отчаяние и желание выжить – пусть даже за счет других. Впрочем, разве это не стандартное поведение людей в обычной жизни? Просто тут все было доведено до абсурда: хочешь жить – убей, забей, затопчи, порви!

Прозвучал сигнал, и люди с ревом бросились друг на друга, как две волчьи стаи, бьющиеся за обладание территорией. Было забыто все – рассказы родителей о том, как надо себя вести в обществе, проповеди на тему «возлюби ближнего, как себя самого», жалость и сострадание. Все подчинилось одной идее – убить и не быть убитым. Последних, тех, кто остался позади всех и впал в ступор, вывели из него жесто-

кими ударами боевиков и пинками послали вперед, на бойню.

В этой толпе мало кто являлся специалистом по рукопашному бою, а может быть, и рукопашники забыли все, что умели, осталось лишь желание душить, кусать, выкалывать глаза и рвать рты – это все и происходило в действительности.

Слава тут же получил оглушающий удар в ухо, отчего в голове сразу зазвенело, закрыл ухо рукой, нагнулся и получил мощный удар в челюсть, благополучно выдержавшую зубодробительный напор.

Другой человек уже валялся бы на полу, но Вячеслав чудом устоял и успел захватить ногу бьющего, колено которого и врезалось ему в подбородок в то время, когда он, согнувшись, ощупывал больное ухо. Своими здоровенными ладонями Слава схватил нападавшего за бедро, приподнял, опрокинул на пол, а потом, взяв за грудки и за ляжку, поднял и с размаху метнул тело в толпу набегающих «голубых», разом выбив из их числа человек пять.

Сообразив, что эта тактика может быть успешной, он стал поднимать с пола упавших противников и с уханьем и ревом метать в куча-малу – в основном падали бойцы противника, иногда он цеплял и «своих», но, как сказал один покойный юморист, «вырвал я эту березу и загнал всех в воду! И городских, и своих – когда мне их сортировать-то? Завтра на работу...»

Возле учителя образовался костяк сопротивления – ря-

дом встали американец и масаи, оборонявшие его с боков, а он шел, как ледокол, сбивая с ног противников, разбрасывая их, как кегли шаром для боулинга.

На него налетел японец-китаец, тот и правда владел какими-то приемами единоборств и быстро сообразил, что от Славы, возможно, зависит исход битвы – надо только поддать ему как следует. Вот тут Вячеславу пришлось туго – за две минуты он получил столько повреждений, что не только двигаться, стоять стало трудно – сломанный нос, подбитый заплывший глаз, рассеченные губы. Японец бил в него, как в боксерскую грушу, и если бы не крепкий костяк Славы, он уже лежал бы на полу, покалеченный или мертвый.

Впрочем, Вячеслав и так лежал бы, если бы не американец, спасший положение – тот бросился сзади под ноги японцу, применив прием регби, япошка покатился через америкашку, и через секунду Слава успел захватить рукопашника за правую ногу. Японец был небольшого роста и весил килограммов шестьдесят – Слава поднял его в воздух, размахнулся, как дубинкой, и изо всех сил хряснув об пол, намертво вышиб дух. Он, вероятно, убил противника: глаза его были открыты и не закрылись после того, как бездыханное тело подпрыгнуло, словно мяч, и осталось лежать на полу.

Бой продолжался, Вячеслав убрал со лба прядь волос и посмотрел на происходящее – «красные» зажимали «голубых», но те, выстроившись кольцом, отбивались довольно активно, наносили пинки и не давали вытащить себя из плотного

строю.

Неожиданно его спину прожгло, словно огнем. Он оглянулся – охранник махал ему:

– Давай, скот, бей, круши! Чего встал, ублюдок ленивый! Бей их!

Еще удар, и Слава чуть не кинулся на четверорукого, который с улыбкой на безносом лице ожидал, что пленник бросится на него и можно будет запороть его до смерти.

Это отрезвило, бывший учитель побежал вперед, туда, где добивали остатки вражеского отряда.

Посчитав, что лучше старой тактики ничего не придумать, он крикнул:

– Чего вы толчетесь вокруг них? Хватайте лежащих и бросайте в толпу! – И показал, как это надо делать, – поднял здорового мужика с выбитым, висящим на ниточке глазом, и метнул его в толпу противника, сбив с ног двух наступавших бойцов. Потом бросил еще одного, еще...

Его примеру последовали остальные «красные» – по двое хватали лежащих и, как кули, швыряли в обороняющихся. Через десять минут все было кончено – из «голубых» на ногах не осталось никого.

«Красные» стояли, тяжело дыша, крепко побитые, но живые – их осталось около двадцати человек. Сколько точно – Слава сосчитать не мог – у него мутилось в голове, трудно было дышать из-за сломанного носа. Сила – силой, но он чудом выжил после атаки специалиста по рукопашному бою.

Будь кости его черепа чуть послабее, осколки переносицы вошли бы в мозг, и все закончилось бы так же, как у этих несчастных – пульсация их огней прекратилась.

Зазвучала сирена, заморгали огни сигнализации, и охранники стали подгонять оставшихся на ногах бойцов к выходу.

Слава посмотрел единственным глазом – другой был совсем закрыт опухолью – американец придерживал левой рукой правую, видимо, сломанную, масаи шел, сильно припадая на одну ногу, его лицо побелело от боли, как будто было присыпано мукой. Впервые Вячеслав видел негра, посеревшего, как мышь. Видимо, его ноге крепко досталось – левое колено распухло до размеров небольшого мяча. Если бы все происходило на Земле, Вячеслав сказал бы, что масаи не будет как следует ходить по меньшей мере год, а может, и вообще никогда – он крепко покалечен. Повреждения колена так просто не лечатся... впрочем... это на Земле. А тут могло оказаться по-другому? Пока он этого не знал.

Глава 2

Их развели по комнатам, похожим на ту, в которой он очнулся.

Двери захлопнулись, и голос откуда-то из стены сказал:

– Снять с себя всю одежду и приготовиться к омовению.

После окончания омовения лечь на лежак и не двигаться.

Слава последовал приказу, сбросил с себя окровавленную, пропотевшую одежду и бросил в угол. Одежда тут же ушла в пол, который разве что не захрюкал от наслаждения. Вячеслав опять удивился – ну как, как он узнаёт, что это ненужная вещь? Почему он не жрет людей? И будто почувствовал усмешку какого-то громадного организма, в недрах которого находился. Но скорее всего, это ему показалось.

Душ ударил неожиданно, со всех сторон, струи били жестоко, как будто норовили содрать кожу. Вода оказалась горячей на грани невозможного, и когда задыхавшийся в круговороте струй Слава уже изнемог из-за страха вдохнуть водяную пыль, душ выключился, горячий поток воздуха в минуту высушил тело. Кушетка была уже суха – сделанная из того же материала, что пол, потолок, стены, она впитала воду и ждала своего клиента.

Слава лег и вытянул руки параллельно телу. Все болело, дышать было трудно. Неожиданно из кушетки начали расти побеги, похожие на длинные волосы или на паутинки, на ко-

торых летают паучки во время бабьего лета. Они извивались, тянулись к голове, к телу, Слава с отвращением увидел, как «паутинки» исчезают в его коже. Он не почувствовал ничего – никакого укола или боли – вероятно, эти волоски были такими тонкими, что организм их не ощущал. Больше всего волосков оказалось там, где его организм получил максимальные повреждения – например, у сломанного носа. Вот тут его что-то кольнуло, нос онемел, и Вячеслав услышал, как сломанные хрящи щелкнули – похоже, нос выправляли. Славе стало дурно – наблюдать за происходящим было очень даже неприятно. Но кроме того, похоже, он получил-таки сотрясение мозга при двойном мощном ударе противника по голове. Сотрясения так просто не проходят, это он знал из прочитанных книг. Его охватил сонный туман, и Слава провалился в спасительную темноту, уходя от боли и надеясь, что, когда проснется, все станет по-прежнему – домик, книги, тишина и осенний вечер. Может, он уснул и ему все приснилось? Заснул с томиком Брэдбери, вот и результат!

Голова не болела, нога тоже не болела – пробуждение оказалось довольно приятным. Осмотрелся – он лежал голым, как Адам. Ощупал лицо – опухоли не было, нос на месте, глаз видел – великолепный результат! И все-таки все оказалось отвратительным... значит, это не сон. Значит, он и правда в плену у инопланетян и сегодня (вчера? позавчера?) убил как минимум одного человека. Тогда это казалось ему нор-

мальным, а теперь при мысли о совершенном убийстве его вывернуло на пол, который все с тем же хлюпаньем поглотил вонючую жижу. От этого стало еще тоскливее.

Сел на кушетке, увидел, что на стене нарисован силуэт костюма – рубаша и штаны. Подумал – похлопал по этому месту, потом приложил руку – открылась ниша, в которой обнаружились штаны типа спортивных, рубаша, что-то вроде тонкого свитерка и башмаки – здоровенные, на несколько размеров больше, чем он носил, а у него был сорок пятый размер обуви.

Натянув одежду, сунул босые ноги в башмаки, раздумывая о том, что как ни предусмотрительны эти самые инопланетяне, но вот одежда – впору, а ботинки подобрать по ноге – ума не хватило. Ну ничего, походит, как в тапках. Куда деваться... Неожиданно ботинки сжались и облепили ногу, словно вторая кожа – он даже не чувствовал их на себе. Усмехнулся: земные обувные фирмы пошли бы на любое преступление, чтобы добыть секрет изготовления подобной обуви, обуви, подходящей для всех размеров.

Из стены раздался голос:

– После того как двери откроются, выйти и повернуть направо. Следовать по желтой светящейся линии. Вам будет предоставлена еда. Отклонения от направления движения вдоль линии наказуемы.

Стена раздвинулась. Выйдя, Слава увидел светящуюся линию, ведущую куда-то за поворот. Он пошел по ней, уви-

дев впереди спины таких же людей, как он.

Линия закончилась в помещении, где по типу шведского стола было наставлено множество блюд – начиная от русских щей и кончая незнакомыми ему острыми и пряными закусками. Рисковать Вячеслав не стал, взял то, что ему было знакомо, – щи, пару бифштексов, какие-то салаты, сел за столик, сосредоточился на еде и на своих мыслях.

«Итак, первый раунд я выиграл. И остальные. Здесь те, кто выжил. Что дальше? Меня вылечили, накормили-напоили. Кстати, насчет поения надо поосторожнее. Похоже, что в еду или питье они что-то добавляют. Не зря я так спокойно воспринимал убийство и сам убивал, и это – на фоне явной эйфории. Похоже, все это – содержимое той водички. И сексуальное возбуждение в такой момент – тоже оттуда. Не зря же тот придурок напал на Леру!»

– Привет! Ты тоже тут! – Знакомый голос заставил его поднять глаза от тарелки, он не поверил тому, что увидел, – перед ним стояла Лера, живая и невредимая. – Можно я с тобой сяду?

– Садись, конечно! – Он смутился от неожиданности и чуть не уронил тарелку на пол. – Как ты? Что с тобой было?

– Что и с тобой, наверное, – грустно ответила девушка, замедлив движение, – погибла половина женщин, которые там были. Я упала где-то к концу – сама не думала, что у меня столько злобы. Зубами грызла противниц. Реально зубами – одной горло перегрызла, пока другая била меня по голове.

Потом уже ничего не помню. Вспоминать жутко...

– Они опоили нас, без сомнения! – откликнулся Слава, помешивая в пластиковом стакане что-то похожее на чай. – Интересно, а откуда у них сведения о наших блюдах? Откуда они все знают? Похоже, давно за нами следят, как ты думаешь?

– Может, и следят, – равнодушно откликнулась Лера. – Меня больше интересует, что с нами будет, а не то, что они за нами следят.

– Что будет – нам уже сказали. Примерные планы. Меня больше интересует, как отсюда выбраться!

– Так о том и речь... вон, эта... кошка идет. Сейчас чего-нибудь скажет!

В столовую действительно вошла инопланетянка, которую и правда, согласно меткому замечанию Леры, можно было принять за кошку, стоящую на задних лапах. Ее пушистая шерсть выглядывала из-под свободного мешковатого комбинезона, а на поясе висел такой же чехол с энергетическим мечом, как у Наалока. Рядом с мечом торчал ствол, не оставляющий никакого сомнения в том, что это что-то вроде здешнего пистолета. Он крепился каким-то хитрым образом – крепления не было видно, только становилось ясно, что хозяйка может воспользоваться им в любую секунду. Что она и делала не раз, судя по потертой рукояти оружия.

– Всем слушать! – без предисловий и вступлений заявила «кошка». – Вы – наша собственность. Пока наша. Сего-

дня будет распродажа – вас выкупят хозяева школ бойцов, и вы станете принадлежать им. От дальнейшего вашего поведения зависит, сколько вы проживете. Запомните, на свою планету вы не вернетесь никогда и никогда не освободитесь из рабства. Да, вы рабы. И мы имеем право сделать с вами все, что захотим. – Слава вспомнил разрубленную пополам даму. – Хозяин может сделать вашу жизнь вполне сносной, может же сделать ее кошмаром. Те, кто не поймет этого, закончат жизнь в роли киборгов в боевых машинах и флаерах. А сейчас все встали и пошли на выход. Там вас рассортируют и отправят к хозяину!

Люди зашевелились, загомонили, Слава встал и подмигнул Лере:

– Похоже, расходятся наши пути... Постарайся выжить, хорошо?

– И ты, – грустно улыбнулась девушка, – если уж ты не выживешь, такой могучий, что со мной будет?

– Будем надеяться на лучшее! – Вячеслав на прощание сжал руку девчонки, оставил на ней следы своих жестких пальцев и поспешил к выходу, отбросив все мысли – не хватало только влюбиться, и где – в рабских лагерях! Это хрень собачья, а не любовь, когда ты не знаешь, будешь завтра жить или нет.

В дверях гладиаторов встречали охранники и группа людей, стоявших немного поодаль от входа. Когда кто-то из землян переступал границу столовой и выходил в коридор,

в воздухе загорались голографические картинки – портрет этого человека, а рядом портрет купившего его хозяина и имя.

Слава тут же был направлен в сторону небольшой группы человек из двадцати, в которой он заметил и американца, и масаи – негр потешно выглядел в европейском наряде, тем более что свои башмаки он держал в руках, стоял босиком, а все яркие бусы и побрякушки нацепил поверх свитера.

– Привет, русский! – приветствовал американец. – Мы тут с Дикарем уже обсуждали, окажемся с тобой в одной группе или нет. Пришли к выводу – лучше не надо! Вдруг придется встретиться с тобой в бою. Больно уж ты опасен!

– Не зови меня дикарем, иначе я тебе башку разобью, – возмутился масаи, – и вообще, я ничего такого не говорил. Это ты все болтаешь, как женщина! Мне же наплевать на вас, белых, настоящие воины только масаи!

– Ладно, ладно, успокойся... как там тебя звать? Сенду? Извини, Сенду, я забыл. Кстати, тебя как звать, русский лесоруб?

– Почему лесоруб? – не понял Слава.

– Здоровенный – вон ладони как лопаты, физиономия как из дерева вырублена. Я видал лесоруба – он такие плечи себе отмахал топором – вот как у тебя!

– Чего врешь-то! – усмехнулся Слава. – У вас бензопилы везде, какие топоры?

– И топоры есть, да. Как в лесу без топоров-то? Но не бу-

дем углубляться в эту проблему. Как тебя звать? Меня звать Арни. Арнольд то есть. Как Шварценеггера – слышал про такого? Только я круче – он уже старый, а я еще ого-го!

– Болтун ты, как я погляжу, – улыбнулся Слава. – Слава меня звать. Вячеслав, если быть точным, но твой америкосовский язык все равно этого не выговорит.

– А он и не собирается выговаривать! – не смутившись, продолжил Арни. – Ну да, люблю поболтать! Может, нам осталось жить полчаса – чего не поболтать-то?

– Ты, может, хоть ненадолго заткнешься? – угрюмо осведомился масаи. – Ты баба, а не воин!

– Ты уже об этом говорил, – добродушно парировал американец. – Сам-то, сам-то как тут оказался, воин хренов? Чего, отбиться не смог?

– Я думал, это бог дождя Нгаи забирает меня на Небо. Откуда я знал, что это какие-то белые?

– Какие, к чертям, белые? – не выдержал и прыснул Арни. – Этот вот зеленокожий – белый? Да ты спятил, масаи!

– Он хоть и зеленокожий, но белый, – уперся масаи, – белые – это не цвет кожи, а мягкость, вот эти штуки всякие – стреляющие и летающие! Настоящий воин не будет пользоваться этим. – Он скинул на пол башмаки. – Настоящий воин ходит только босиком и пользуется своим копьем! Я убил уже двух львов! А вы – жалкие мягкотелые белые!

– Сомневаюсь, чтобы ты сладил вот с этим «мягкотелым белым»! – усмехнулся Арни и показал на Славу. – Что же

касается штук-машин белых, то-то вы приспособились выпрашивать деньги за фотографии у всех туристов! Представляешь, Слава, приезжаешь в Кению, только направишь фотоаппарат на этих «гордых воинов», так они толпой налетают, требуют денег, того и гляди – копьями проткнут! Приспособились паразитировать на туристах, бездельники! Целыми днями стоят и любуются закатом, опершись о копья! Вот и вся их спесь, вся их гордость – только кэш хапнуть с туристов!

– Вы, наглые белые, норовите забрать с фотографией частичку души, вы должны платить за то, что мы рискуем душой! – угрюмо ответил Сенду, презрительно посмотрев сверху вниз на плотного американца.

– Ага, а бабла получили, и сразу душа защищена, да? Попрошайки вы и нищелюбы! – не успокоился Арни и тут же получил удар черным кулаком в глаз. Американец зарычал и бросился на масаи, который отбивался длинными плавными ударами, вскользь задевавшими американца по плечам и голове. Америкашка ловко уворачивался и не позволял негру нанести ни одного прямого удара.

Конечно, драка между рабами хорошим не кончилась – охранники тут же остановили «бой», и через минуту оба драчуна корчились на полу в болевых судорогах, поскольку не в силах были вытянуть сведенные болью ноги.

– Вы, скот, когда попадете к своему хозяину, делайте, что хотите, если он позволит. Пока вас не доставили к нему, не

сметь портить товар! Иначе будет очень, очень больно!

Надсмотрщик отошел от рабов с побелевшими лицами и снова занялся сортировкой выходящих из столовой людей.

Через полчаса все было закончено. Группы купленных потенциальных бойцов расставили по сторонам, к каждой группке подошел охранник и, скомандовав, погнал их по коридору. Еще через двадцать минут они сидели на длинных скамьях у борта, как Слава понял, летающего аппарата, устроенного по типу вертолета или небольшого самолета.

Только вот не было слышно никаких звуков и рева, как на этих тарахтелках. Когда они садились в ячейку на скамье, из нее выдвигался мягкий широкий захват и плотно прижимал человека к спинке – тут, видимо, преследовалось две цели: это и вопрос безопасности при крушении – захваты действовали как ремни безопасности; и вопрос безопасности для экипажа аппарата – никто не мог встать с места без позволения хозяев.

Слава замер, пытаясь разглядеть обстановку внутри аппарата и своих соседей, насколько позволяла шея, находившаяся в чем-то вроде держателя.

Их было двадцать человек – он пересчитал. В основном мужчины: крепкие, рослые, от двадцати до сорока лет. Но имелись и женщины. Слава с непонятной радостью заметил Леру, сидевшую на краю скамейки, полуприкрыв свои синие глаза. Женщин насчитывалось семеро – самая молодая Лера, а так – по двадцать пять – тридцать пять лет, впол-

не симпатичные особи. «Интересно! – подумал землянин. – Купивший нас явно не из простых – выбрал самых лучших. Любопытно, сколько я стою?» Он хмыкнул и криво усмехнулся – никогда эта мысль не пришла бы ему в голову на Земле. «Сколько я стою?» Впрочем, у американцев вроде как есть такое выражение, означающее, что имеется в виду количество капитала, которым владеет человек. Здесь же все это приобретало совсем другое значение, то, которое оно имело во времена флибустьеров.

Он не уловил момента, когда аппарат прибыл на место – просто дверь открылась, и четверорукий охранник скомандовал:

– Все на выход! Идти строем, смотреть в затылок переднему! За нарушения буду наказывать!

– Думал, что отделался от армии! – проворчал где-то рядом голос Арни. – Опять этот дебильный сержант, опять учебка! Русский, ты служил в армии?

– Молчать! – Послышались удар хлыста и непроизвольный стон человека, потом будто кто-то промычал сквозь зубы:

– Доберусь я до тебя, сук-кин сын!

Они прошли через длинный ангар, в котором стояли еще три аппарата, подобные тому, на котором прилетела их группа. Аппараты напоминали ту самую «цистерну», захватившую Славу. Никаких выступов, никаких видимых механизмов – непонятно было, как она вообще летает.

Слава выругал себя – несмотря на ужас положения, он как истый исследователь упорно пытался все узнать, все рассмотреть, выяснить все причины и следствия – это вместо того чтобы сосредоточиться на выживании. Ни к чему окажутся знания, когда он сдохнет на арене. Но вот кое-что ему пригодится точно – например, здесь он точно легче, чем на Земле. Сила тяжести процентов на тридцать – сорок меньше. Он заметил, что земляне идут немного странно, подпрыгивая, не соразмеряя своих шагов. Пленники время от времени наталкивались друг на друга, получали болевиком по спине и плечам, оглашали окрестности стонами и руганью.

Через пять минут рабы оказались в большом зале, в котором можно было разместить несколько сотен человек. Неизвестно почему, но у Славы возникло ощущение, что это спортивный зал, зал для тренировок, хотя никаких приспособлений он не увидел. Впрочем, землянин уже убедился, как легко здешние стены и полы трансформируются в то, что нужно хозяину. В зале стояла группа людей – четверо, если говорить точно. И если уж говорить совсем точно – совсем не людей, это были зеленокожие ростом под два метра. Однако среди зеленых Слава заметил и двух инопланетян пониже ростом, практически на голову ниже других – как он понял, это были женщины. Они почти ничем не отличались от мужчин, только более пухлыми бедрами и грудью, заметно натягивающей тонкие майки. И ноги. Ноги были зеленоватые, но вполне гладкие и длинные, как у фотомоделей, изну-

ряющих себя диетами, но так и не сумевших побороть женскую округлость.

Один из зеленокожих кивнул охраннику, доставившему пленников, и спросил:

– Все в целости и сохранности? Я смотрю – на лице одного из них гематома. Почему вы не привезли товар невредимым? Я буду требовать снижения цены за нарушение условий сделки. Когда я смотрел на его изображение, кровоподтека не было. Десять процентов надо скинуть за плохой вид товара.

– Господин Агарлок, он сам устроил драку! Они сами нанесли себе повреждения! – возмутился охранник. – Мы тут ни при чем!

– Десять процентов или возврат всего товара. В условиях договора четко сказано: «Устраняются все повреждения тел, а также болезни, которые существовали у объектов на момент их отлова». Я вижу повреждения. Вы должны были следить за тем, чтобы объекты не нанесли себе увечий во время транспортировки. И меня не касается, как вы этого добьетесь. А будете вести себя неправильно – откажусь от услуг Наалока и воспользуюсь услугами его конкурентов, благо, их на рынке предостаточно. Итак, десять процентов, иначе я возвращаю товар и обращаюсь в комиссию по урегулированию прав торговцев. Там вас оштрафуют на такую сумму, что мои десять процентов покажутся женским поцелуем! Так что?

Охранник зверски посмотрел на Арни, сияющего налившимся фингалом, поднял болевик и несколько раз сильно ударил пленника.

Тот свалился, а мучитель прошипел:

– Мерзкая тварь, ты стоил мне хороших денег! Теперь я не получу вознаграждения за твою доставку – хозяин вычтет с меня всю сумму!

– Двадцать процентов! – невозмутимо сказал зеленокожий, наблюдая, как корчится землянин. – А сейчас будет пятьдесят. Если не прекратишь портить товар. Я сообщу Наалоку, что ты невыдержанный и не умеешь работать.

Охранник с ненавистью глянул на покупателя и, достав из кармана небольшой прибор, нажал кнопку. Перед ним в воздухе появился экран, он сделал несколько быстрых движений и сказал:

– Двадцать процентов стоимости этого объекта переведены обратно на ваш счет. Вы удовлетворены, господин Агарлок?

– Хорошо. Я удовлетворен. Можешь идти. – Зеленокожий легонько махнул рукой, и охранник, всем своим видом демонстрируя неудовольствие, отправился в обратный путь.

Одна из спутниц Агарлока, миловидная женщина, мелодично засмеялась:

– Ну что тебе его две тысячи кредитов? Не хватит даже на приличный ужин в хорошем заведении!

– Во всем должен быть порядок, – возразил Агарлок, раз-

глядывая новое приобретение, – товар нельзя портить, и не следует это прощать, иначе завтра они приволокут дохляков и скажут, что так положено. Почему я должен брать порченный товар за деньги, которые уплатил за первоклассный? Я купил то, что мне понравилось, самый лучший товар – доставьте мне его в целости! Ты не права, Амила.

– Не права! – согласилась вторая женщина, похожая на первую как две капли воды. – Наш господин совершенно справедлив – нельзя распускать этих простолюдинов, иначе они на шею сядут!

– Скирина, ты всегда скажешь «нет», если я скажу «да!» – скривилась первая женщина. – Дорогой, тебе не кажется, что твоя вторая жена слишком глупа и не может дать тебе верного совета?

– Не ругайтесь, девочки, – уголки губ Агарлока слегка опустились вниз, изображая улыбку, – давайте-ка делом займемся. Нам надо этих болванов определить по местам. Как вы думаете, многие ли из них переживут мутацию?

– Давайте делать ставки? – предложила Амила. – Я говорю, что вон та микроженщина не переживет и дня! – Она указала на Леру, с отсутствующим видом стоявшую в самом конце строя.

– А я вот не согласна, – тут же вступила в разговор Скирина. – Женщины всегда более выносливы! Они более живучи, не смотри, что она такая мелкая – вполне сможет пережить всех мужчин!

– Не спорьте, – усмехнулся Агарлок. – Время покажет. Я сам бы был не прочь, чтобы выжили все, – но вы знаете, что так не бывает. Обычно в живых остаются пятьдесят – семьдесят процентов. И это у меня! А я ведь выбираю самых крепких! А у остальных – тех, кто берет дешевый товар, в отходы идет процентов семьдесят. Как минимум. Вообще получается, что выгоднее брать дорогой товар – крепкие существа выживают лучше, а значит – выгода больше.

– Ты им сообщишь, что с ними будет? – поинтересовалась Амила, разглядывая новых рабов. – Я вот что предлагаю – может, часть из них не стоит превращать в бойцов, смотри, вот эту голубоглазую можно отправить в бордель – Сан-Сук держит целый штат женщин для любителей экзотики. И вот этого – глянь, какой чернокожий красавец! Аристократки в Кратане будут в восторге от него – обрати внимание на рост! Он ничуть не ниже наших мужчин! А вот этот здоровила с почти белыми волосами? Экзотика! За них дадут хорошие деньги! Обучим их сексуальным приемам. Повысим болевой порог и внедрим в мозг удовольствие от экзотических развлечений и тягу к сексу. Хорошие деньги будут!

– Нет. У меня большой заказ на спецбойцов от Жергона. Он платит такие деньги, что сексуальные игрушки ни в какое сравнение не идут. Но сам он не умеет проводить мутации – это наш семейный секрет. Так что гоним всех в лабораторию. Я предоставляю вам возможность позабавиться с черным. Или с белым здоровилой. И с этой девкой – если

выживут. Впрочем, почему бы и не совместить двух мутаций? Если выдержат...

– Обещаешь? – Амила облизнула острым язычком зеленато-розовые полные губы и обвела белого раба взглядом.

– Обещаю! Когда я вас обманывал, мои любимые жены?

– Обманывал! – Скирина обиженно поджала губы. – Обещал мне того, пятнистого, как кархуз, парня – а сам его уморил в лаборатории! И сейчас так будет! Передохнут, и мы не попробуем экзотики. Не в бордель же к твоему Сан-Суку лететь! Там контингент уже потрепанный, да и ненатуральный. А эти – девственные дикари... мм... сладкие!

– Ну и развратницы вы у меня, – от души рассмеялся Агарлок, – я им постараюсь привить и тягу к сексуальным утехам, и боевые навыки. Перед тем как отправлю, дам возможность позабавиться. Обещаю. Ну... если выживут, конечно...

Слава слушал диалог этих существ с удивлением и большой тревогой. С удивлением потому, что он, воспитанный на книгах советских фантастов и доходивших до него книгах зарубежных писателей, допущенных цензурой до народа, представлял себе инопланетян совсем другими – или злыми осьминогами в боевых треножниках, высасывающих кровь из всех подряд, или просвещенными друзьями, несущими свет и радость вселенной. Но вот так, вульгарно – рабовладение, рабы, развратные девки, похожие на избалованных жен нуворишей, и все это – на фоне высочайших достижений ци-

визации – нет, подобное не укладывалось у него в голове. Высокий уровень цивилизации, по мнению ученых, предполагает и высокий уровень интеллектуального развития. А вот шалите! Бред сивой кобылы! Что изменилось от того, что в космос полетели пилотируемые корабли, а люди пересели из пролетов, запряженных лошадьми, в lamborghini Diablo? А ни-че-го! Были люди жадными, любящими деньги и удовольствия, такими и остались. А почему инопланетяне должны оказаться исключением? Нет, они не были исключением.

А беспокойство у него возникло после того, как он услышал разговор о мутациях – какие мутации? Что с ними хотят сделать?

Словно почувствовав его тревогу, американец, стоявший рядом, тихо сказал:

– Прощай, русский. Похоже, нам не пережить их лаборатории. Что-то они с нами сотворят, и, я уверен – не самое хорошее. Если когда-нибудь ты вернешься на Землю, навести моего отца. Он живет в городке Шарон. Его имя Николас Антанов. Скажи, что я очень, очень жалею, что не послушался его и сбежал из колледжа. И ты, масаи – извини, что тебя доставал. Похоже, сейчас будет русская рулетка, и я уверен, что в ней не выживу. Ну все, я готов! – Американец вздохнул и приготовился принять ту судьбу, которую ему предстояло пережить.

Всю команду отвели в помещения, пахнувшие озоном, нагретым пластиком и еще чем-то неуловимым, как будто сю-

да доносился запах чужой планеты, – впрочем, наверное, так оно и было. В отличие от корабля и космической станции эта ферма-лаборатория не была герметически закрыта от остального мира, так что вполне могла иметь сообщение с открытым пространством планеты. Всех пленников развели по комнаткам, опять же напоминающим рабские загоны-клетушки на корабле и на космической станции. Видимо, для таких мест использовали стандартные помещения – зачем придумывать что-то новое? Клетушки вполне соответствовали своему назначению – они и лечили, и кормили, и убирали. А что еще нужно человеческому скоту?

Славу уложили на кушетку, из нее тут же выдвинулись мягкие захваты, притянувшие его к мягкой упругой поверхности. Перед тем как лечь, всю одежду по требованию палачей он сбросил, и теперь совершенно обнаженным следил за действиями своих мучителей. Двинуться Вячеслав не мог – захваты прижимали его крепко и в разных местах – ступни, бедра, живот, плечи, руки в двух местах и голова – все было намертво прижато к кушетке. Сердце Славы билось, как птица в клетке, норовило выскочить из груди. Он не сразу заметил, как в помещение зашли две спутницы Агарлока, и одна из них, с удовольствием рассмотрев все анатомические подробности его телосложения, провела рукой с зелеными коготками по животу, ниже... сладострастно вздохнула и сказала:

– Постарайся выжить, беленький! У нас на тебя большие

планы! А хорошо, правда, Скира? Бр-р-р... как мне хочется заполучить его в постель!

– Пошли отсюда! – опасливо вздрогнула вторая. – Они еще случайно не успели ввести ему вирусы? А то, пожалуй, подцепим болезнь... Мне всегда тут не по себе – кажется, что все стены и потолок пропитаны заразой!

– Не бойся, если бы ввели – над дверями висел бы красный сигнал. А что касается впитавшейся заразы – тут все рассчитано и дезинфицируется так, что ни один микроб не в состоянии выжить. Так что не бойся. Слушай, а может, у нас еще есть время, чтобы с ним позабавиться? У меня заболело в животе, так хочу секса! – Женщина с интересом посмотрела на Славу. – О-о-о! Хорошо, самец! Если выживет – я первая!

– Пошли, пошли отсюда – вон, идут уже. Я до визга боюсь всякой заразы!

Женщины вышли из комнатки, та, которая называла его беленьким, вышла очень неохотно и на прощание окинула землянина похотливым взглядом. Вячеслав остался наедине с самим собой.

Впрочем, ненадолго. В комнату вошел зеленокожий в скафандре, плотно облегающем тело. Заканчивался скафандр шлемом, круглым, с непонятными раструбами на местах ушей. Скафандр был ярко-зеленым, и Слава невольно подумал: «Вот откуда легенды о «зеленых человечках».

Инопланетянин подошел к лежащему на кушетке человеку, поставил рядом небольшой переносной бокс и достал из

него прибор, похожий на пистолет. Приложил «ствол» к шее лежащего, туда, где проходит сонная артерия. Послышался громкий «пшик» – как будто прокололи крышку. «Зеленый человечек» положил «пистолет» в бокс, достал другой – еще «пшик», третий «пистолет» – и еще! «Пистолетов» было пять. Инъекции делались в разные части тела – в руку, в бедренную артерию. Наконец все закончилось, «пистолеты» исчезли в боксе, а инопланетянин сказал:

– Ну что же, ты великолепный экземпляр вашей расы. Надеюсь, что выживешь.

Он повернулся к двери, а Слава не выдержал (вот любопытный ботанский разум!) и спросил:

– Скажите хоть, что вы со мной сделали?! В конце концов, я тоже разумное существо, такое же, как и вы, и имею право знать! Хотя бы знать!

– Ты забавный, – усмехнулся «врач». – Что ты можешь знать? Ты настолько же ниже нас по уровню развития цивилизации, насколько ваши дикие звери ниже вас! Хорошо. Я скажу. В тебя сейчас введены штаммы определенных вирусов, которые выводила семья Шан-Акаон на протяжении тысячелетий. Эти вирусы, попадая в организм какого-либо существа, преобразуют его таким образом, что тело приобретает особые свойства. Для того чтобы вывести эти штаммы, потребовались несколько тысяч лет и сотни тысяч, даже миллионы пациентов. Ты будешь преобразован в бойца – вирусы укрепят твои связки, увеличат скорость и силу. Твои ра-

ны станут заживать гораздо быстрее, чем в обычных условиях. Тебя будет трудно убить, ты даже сможешь вновь отрастить утерянную часть тела – особенно если твои действия станут стимулироваться специальными медицинскими аппаратами – стационарными или портативными – медицинским слизняком, например. Но! Есть и побочный эффект. Организмы существ сопротивляются вмешательству в их структуры и частенько отдают приказ на самоуничтожение. Или – еще хуже. Организм принимает решение вернуться к облику зверя, теряются все признаки цивилизованности. Удел такого мутанта – мусоросжигательный контейнер либо... арена, там этих особей натравливают друга на друга. Как зверей. Надеюсь, с тобой такого не случится, так как хозяйка имеет на тебя некоторые планы – она очень любит экзотику. Как и другая хозяйка. В общем-то они сестры, так что – совпадения неудивительны. Близнецы. Кстати, вирусы могут вытащить из твоего подсознания такие свойства, о которых ты и не подозревал, умения, о которых ты и не знал. Что получится в конце концов – не ведает никто, даже мы, ученые. Что-нибудь понял? – «Врач» усмехнулся и задвинул за собой дверь, бормоча: – И чего распинался перед дикарем?

Слава закрыл глаза и расслабился, в душе царило опустошение, его накрыла волна депрессии. Полная безнадега... Он лежал и размышлял о том, что случилось и что его ждет. «Ну хорошо, вот сделали из меня Терминатора – а дальше-то что? Я, например, встал и поотрывал им головы. И

убежал. А куда я убегу? Ну куда-куда, в город, например. Пристроиться куда-нибудь, найти дело. Нашел – правда, не представляю, какое дело, и что дальше? Всю жизнь, например, мусорщиком работать или дворником? А есть ли у них вообще-то дворники? У них пол сам дерьмо жрет – какие мусорщики? Я мыслю категориями нашей цивилизации, а о них ничего не знаю! А как узнать? Где взять информацию? Почему-то мне кажется, что эти подонки не захотят, чтобы я поотрывал им головы. Точно как-нибудь об этом позаботятся. Странно... почему я ничего не чувствую? Он же меня накачал, как курицу на птицефабрике. Помню, показывали, как лежат тушки забитых кур, опускается такая здоровенная люстра с химикатами, и п-ш-ш-ш-щ-щ-щ! – загнали в кур заряд шприцов. Курица остается розовой и красивой. А мы потом жрем эту гадость. Вернее – жрали. Теперь я жру какие-то брикеты и что-то, имитирующее нормальную жратву. А что именно – кто знает? Но вся штука в том, что я готов жрать эту пакость еще лет сто – уж больно хочется посмотреть, что там дальше будет! И бабы эти... зеленые. А ничего так бабы-то... Не отказался бы!

Чего это я? Только недавно бабы казались мне странными и совсем не вызывали интереса как сексуальные объекты. Слишком чужие. А теперь... упс! Горит все. Горит, ох как тело горит! Зудит! А-а-а-а! Похоже, у меня температура! Началось! Ох, Господи, прости меня за все мои преступления и прими... Чего это я сразу молиться начал? Я же

всегда атеистом был... Приперло? Ага, приперло. Как солдаты-коммунисты перед атакой – читал. Выскакивали они под пули... Господи, пронеси! А-а-а ... как мне плохо! Сейчас вытошнит... тьфу! Задохнусь ведь! Твар-р-ри-и-и! А-а-а! А-а-а! Почему я не теряю сознания... ой как ломает... больно... твари! Убил бы! Разорвал бы! Зубами! Руками! Растоптать! Бить! Крушить! Убивать! Резать! Рвать! А-а-а! Что со мной?! Такой приступ злобы... урр ... мерзость какая... и все выблевал – желчь одна идет! Твари! Не могут под какой-нибудь анестезией свои гребаные опыты проводить! Твари! Убить! Разорвать! Сокрушить! Бабы! Бабы! Подмять... любую! Лишь бы баба! Прикоснуться... Ласкать... ласкать...насиловать... Бить, крушить! Бабу! Всех убить! Всех уничтожить! Оторвать руки, ноги, голову! Убить! Убить! Ох, что со мной делают, твари – точно чем-то накачали! А как горит все тело, и кости ломит... Боже, какая боль. Не могу терпеть...» – Слава потерял сознание и со стоном погрузился во тьму.

Через какое время он очнулся – не знал. В голове была пустота. Чистая, звенящая, как апрельский вечер. Ни мыслей, ни желаний – белый лист. Попробовал пошевелиться – получилось. Захваты убрали. Посмотрел на руки-ноги – вроде как все на месте... И не кастрировали, за что спасибо. Ощупал спину – тело как тело. Ничего не изменилось. Удивился: такие муки, такие страдания – а результата нет. Впрочем, есть результат! Он же жив! Не сработала их хитрая машин-

ка! Не сработали их поганые вирусы! Не одолели они русского человека! Впрочем, русского ли? Безотцовщина же... Поменьше пафоса, Слава. Побольше думай. Уж куда больше – обдумался уже вусмерть, обфантазировался по самое не хочу! Где тут одежда-то... а то как в бане или в ожидании любовницы из душа. Упс! Только при одной мысли о любовнице – уже готов! Это чего, побочное явление или специально? Есть подозрение, что специально... Бабье расстаралось. Слышал же, они там уже расписали развлечения чуть ли не по дням недели! Та-а-ак... а что такое вделано тут? На виске? Вот оно – этой хрени не было, это точно. Кстати, мкра уже нет. Отпал, видно. А на виске какая-то заклепка, как будто гвоздь вбили. Это неспроста! Как же, дадут они сбегать! Похоже, что-то вроде маячка повесили. Если не хуже. Итак, штаны на себя. Где трусы? Какого черта они без трусов ходят? Впрочем, если штаны одноразовые, на кой черт трусы-то? Рубаха... вместо нее опять свитер. Только цвет другой. Ну все, готов. Пожрать бы еще... что-то живот подвело от голода. Сколько тут лежал? Да кто же знает. Долго, наверное. Что в памяти осталось? Жарко было, рвало, корежило всего. Чего там этот негодяй говорил о направленной мутации? Интересно, как же вирусы еще их всех не поразили? Наверное, вирусы саморазрушаются, сделав дело. А может, становятся частью обмена веществ? Ну как бактерии, живущие в организме? Тогда нельзя пить антибиотики, чтобы не уничтожить полезную колонию вирусов. Полезную ли? Че-

го они внутрь закачали – сексуальное влечение ко всем бабам без учета их расы и возраста плюс какие-то там навыки. Нет, не навыки – способности должны были какие-то проявиться. Какие? Неведомо. Ну-ка, перемножить числа... какие числа? Что, гладиатору числа нужны? Ему нужно лупить по башке своих противников, и как можно эффективнее. А как проверить? Никак. Пока не выпустят на арену. Остается ждать.

Лег на лавку, вытянул ноги в самозатягивающихся башмаках и закрыл глаза. Медленно стал проверять ощущения своего тела – что изменилось? Ничего. Булькает голодный желудок, толчками бьется в висках кровь – все как обычно. Сосредоточился – вроде уловил какое-то ощущение... чего-то такое неосязаемое, как дуновение... Нет, не поймать. Ушло. Совсем ушло. Стало скучно, опять задумался о еде.

Поразмыслил и отчетливо сказал вслух:

– Есть хочу! И пить! Дайте чего-нибудь!

Действие возымело результат – квадрат на стене запульсировал картинкой, изображающей человека с приложенной к нему рукой. Слава на секунду задумался, спустил ноги на пол и приложил руку к квадрату – ничего не произошло. Еще подумал – представил себе тарелку щей с плавающим в центре белым глазком сметаны, котлету с картошкой и кружку ледяного пива. Квадрат засветился голубым светом, а когда Вячеслав убрал руку, открылся, как дверца шкафчика. Внутри стояло все то, что он себе представил. Щи, картошка, пи-

во. Почти не удивился. Оглянулся вокруг – куда ставить-то? На кушетку? Еще поразмыслил:

– Стол. Стул.

Чуть не отпрыгнул: пол вспучился двумя огромными волдырями и выдавил из себя стол, похожий на перевернутую призму, и стул – обычный прямоугольник. Даже без спинки. Сел на стул, приложил руку и подумал – спинка резная, коричневая, дуб... все представил в подробностях. Стол – полированный темный дуб. Предметы тут же приняли облик, который заказал землянин. Ухмыльнулся – впечатляет! Встал, вынул из «шкафчика» дымящуюся чашку шей, второе, пиво в стеклянной кружке. Понял, что хлеб забыл. Да ну и черт с ним. Стал хлебать горячую жидкость. Вкус местного блюда немного отличался от вкуса настоящих шей, но решил списать это на неумение сконцентрироваться при создании продуктов. Пиво... разочарованно скривился – горькое какое-то, водянистое. Тут точно напортачил. Но все равно выпил. Главное – холодное, с пузырьками, пить-то все равно нечего. Почему напиток так не понравился? В чем отличие? А может, вкус изменился после трансмутации? Посмотреть бы на себя... ага! Почему нет?

– Зеркало. В рост!

Одна из стен сделалась зеркальной. Посмотрел – тот же, что и был. Короткие соломенные волосы, слегка грубоватые черты лица, словно вырубленные из камня (прибалтийский тип лица, как ему говорили. Хотя в любом городе средней

полосы сошел бы за местного парня). Довольно правильные черты лица. Ему говорили, что он красавчик – но кто из мужчин может что-то понимать в мужской красоте? Только те, кого мужчинами можно назвать с натяжкой... Женщинам виднее. По крайней мере не смазливый, как эти... Довольно мужественный на вид... на правом виске заклепка. Ага, в этой заклепке пульсирует красный огонек! Удары сердца считает.

«Похоже, что где-то есть контрольный пункт, что-то вроде диспетчерской. Иначе куда прибор передает сигналы? А он передает, уверен!» – подумал Слава.

Поел, посмотрел на остатки трапезы, сказал:

– Убрать стол, стул и посуду! – Столик выгнулся, захватил грязные тарелки и ушел в пол следом за втянувшимся в живую плоскость стулом.

Подумалось:

«Классно! Вот тебе и фантастика! Чтобы мы так жили! Только вот долго ли так проживем?»

Словно бы в ответ на мысли открылась стена, возник голос из ниоткуда:

– Выйти, повернуть направо, идти по желтой светящейся полосе. Сход с полосы считается побегом. За это положено наказание.

Славу передернуло – они хоть за что-то поощряют? Или только – наказание, наказание, наказание... Наверное, так и есть. Так правильно. Чего животное поощрять – спасибо, что

кормят и не бьют, а ты будь доволен, скот.

Вышел. Увидел желтую, слегка пульсирующую полосу. Пошел по ней, внимательно смотря по сторонам – что-нибудь, может быть, и увидит. Что-то из того, что пригодится ему в жизни... или продлит жизнь. Бежать? Опять? Куда бежать? Надо подождать...

Полоса вывела в зал, ничем не отличавшийся от остальных помещений – тупой, квадратный. Углы, пол – и ничего более. Цвет серо-бежевый, как обивка какой-то иномарки. Немного подсадовал – чего они, не могут цвет повеселее подобрать, что ли? Все как в какой-то районной больнице. Пусто и гулко. В зале стояла группа тех, с кем Слава был в этот мир, только поредевшая. Подошел, молча поискал взглядом Леру – вроде как она... небольшая стройная фигурка в комбинезончике. Подошел к девушке, легонько взял за руку:

– Привет, красавица!

– Издеваешься, да? – повернула к Славе лицо, он чуть не вздрогнул: ее кожа была очень смуглой, слегка красноватой, а по лицу расходились пятна, похожие на пятна леопарда – черные на смуглом. – И по всему телу так! – с отчаянием сказала она. – А глаза видел? Я теперь женщина-кошка! Ой, мамочки! Никогда не вернусь на Землю, куда в таком виде! Уродка! А еще, стыдно признаться, не знаю, что со мной сделали: как только меня касается мужчина, я хочу под него лечь! Просто замурлыкать, скинуть одежду и прижаться к

нему! Я теперь маньячка! Я все время хочу мужчину, до одури хочу! Слава, это кошмар!

– Если это тебя успокоит – я все время хочу женщину, любую, какую увижу, – угрюмо ответил Слава, рассматривая вертикальные зрачки в желтых глазах своей нечаянной подруги. Ему было очень жалко сияющего света голубых глаз Леры. В душе кипел гнев – кто им позволил творить с ними такое? Как они могли такое сделать?! Отбросил вопросы – если уж земные люди творили на Земле такое зверство, что в голове не укладывалось, почему инопланетянам не творить подобное?

Лера тихонько вытянула руку вперед и показала ему:

– А еще вот, смотри! – Ее прелестные пальчики раздвинулись, и из них вылезли блестящие, даже на вид острые когти сантиметра два в длину, кривые и такие страшные, что пантеры отдыхают. – Видишь, какой подарочек? – горько усмехнулась девушка. – Теперь спинку не почешу. Сразу в ключья раздеру. А ты что получил от наших добрых друзей-инопланетян? Хвост? Когти? Чем теперь отличаешься от людей? Глянь, в кого американец превратился – смотреть страшно! После него и я не кажусь такой уродкой, правда?

Слава посмотрел в сторону и вначале не понял, где Лера увидела американца. Присмотрелся – точно! Вот эта уменьшенная копия гризли, стоящего на задних лапах – Арни! Стальные когти, заросшее мехом лицо, пальцы, больше пригодные для разрывания земли и копания берлог, чем для ри-

сования и вышивания крестиком. Впрочем... вряд ли американец в прежней жизни рисовал или писал книги.

Как Слава понял, америкашка был воякой – то ли морская пехота, то ли... в общем, Арни болтать болтал, но о себе лишнего не выбалтывал. Лишь по косвенным признакам можно было определить, что он – армейская косточка. Да еще по замашкам. Остальные спутники тоже изменились. Масаи потемнел настолько, что стал похож на уголь, хотя в пропорциях практически не изменился. Он тоже, как и Слава, жадно осматривал всех женщин, которые находились рядом.

А женщины были разными – одна с зеленоватой кожей, похожей на кожу хозяев базы, другая в точности женщина-кошка, даже усы выросли, а когда она потерла рот, стали видны острые белые клыки. Вячеслав покосился на Леру и подумал, что у нее, должно быть, такие же. Теперь ей палец в рот не клади... Мужчины выглядели по-разному – кто-то слегка «озверел» и покрылся шерстью. Кто-то, к зависти остальных, внешне не переменялся, как Слава.

– Ну так что в тебе изменилось, кроме желания трахнуть всех баб? – ревниво спросила девушка, завистливо смотря на его белую кожу, не тронутую ни шерстью, ни пятнами.

– Ничего, – пожал он плечами. – Может, они не стали ничего во мне изменять? Не знаю, честно. Давай послушаем, что нам скажут эти уроды! – Он кивнул на подходящих к ним хозяев.

Агарлок, его жены, двое помощников непонятной расы – темные, как уголь, только ниже ростом, чем масаи, и еще трое четвероруков встали перед группой мутантов и принялись молча и внимательно рассматривать оставшихся в живых.

Через пару минут Агарлок удовлетворенно сказал:

– Итак, вас осталось пятнадцать. Это хороший результат. Умерло всего пятеро. И практически нет совсем озверевших мутантов – это тоже хорошо. Есть мутировавшие в зверей, но, как я вижу, все сохранили человеческий разум. И еще... пятеро – да, пятеро преобразовались совсем чисто – внешне они не отличаются от людей. Поздравляю вас, теперь вы ценный товар! – Агарлок усмехнулся и подмигнул своим женам, которые жадно рассматривали пленников.

– Теперь расскажу, что ждет каждого из вас в ближайшем будущем. Итак, у каждого в череп вделан маяк, по которому вас можно отследить где угодно – даже если вы отправитесь в глубокий космос. Этот маяк передает сигналы через подпространство, сигналы улавливают наши передатчики и передают на тот пульт, на который я их вывел. Теперь о безопасности. Этот маяк еще и средство наказания. Смотрите – я нажимаю вот сюда, и...

Слава почувствовал такую головную боль, что в глазах потемнело, он практически потерял сознание и чуть не свалился на пол. От боли замутило, к горлу подкатила тошнота, его вырвало прямо на валявшегося на полу человека, в котором

он с удивлением узнал того хулигана, который изнасиловал Леру. Почему-то Слава раньше не обращал на него внимания, или парень искусно скрывался, уходя из поля зрения, но это был именно он – шпана в кепочке. Кепочки, правда, не было. А выглядел парень как помесь зверя и человека – из пальцев торчали когти, как и у Леры, а плечи сделались широкими и квадратными, отчего бандит стал похож на орангутанга или гориллу – сутулую и могучую. В остальном парень сохранил человеческие черты.

– Эй, урод, – рыкнул старый знакомый, поднимаясь с пола. – Я еще не забыл тот пинок! Если бы не эти мусора, – он указал на стоящих рядом и поигрывающих болевиками четвероруков, – я бы тебе яйца вырвал! Ну ничего, еще будет такая возможность! – Бандит глумливо усмехнулся и, кивнув на Леру, сказал: – А телка-то неплоха была... А ты и не попробовал еще, да? Ничего... скоро ее все попробуют! Из нее шлюху сделали, как надоест на арене – в бордель сдадут. Если, конечно, на арене выживет. Мне докторишка ихний сказал. Им специально делают так, чтобы они всегда мужика хотели! Днем и ночью! И чтобы боли почти не чувляли. Когти ей вырвут, и давай... Гы-ы-ы...

Слава смотрел на гогочущего уroda и холодно прикидывал: вот сейчас он возьмет его за шею, крутанет – эта регочущая куча мерзкой плоти обмякнет и не будет больше исторгать словесную вонь! Видимо, бандит, обладавший сверхъестественным чутьем, что-то увидел в лице Славы и понял,

что его сейчас будут убивать, а потому быстро ретировался, растолкал своих товарищей по несчастью и скрылся за спиной масаи, хмуро наблюдавшего за спектаклем.

Слава вздохнул, шумно выпустил воздух из груди и разжал пальцы, сжатые в кулаки. Еще секунда, и он набросился бы на урода – а этого нельзя было делать, только что Агарлок сказал, что за драки без разрешения хозяина будут жестоко наказывать. Как? Хозяин уже продемонстрировал. Такой боли Слава не испытывал никогда. Это была боль на нейронном уровне. Ее не отключить...

– А теперь о главном! – с усмешкой сообщил Агарлок. – Каждый из вас сейчас думает: «Я теперь сильный, ловкий, могучий. Что мне эти негодяи?! Убегу, спрячусь, потом пристроюсь в городе и буду жить на свободе! А эту кнопку из головы выну, и все». Так вот, смотрите сюда: вот та кнопка, которая торчит у вас в голове. Сейчас радиус вашей свободы на пятистах шарлонгах. То есть вы можете ходить в пределах этого лагеря, не удаляясь от центра более чем на пятьсот шарлонгов. А если вы удалитесь дальше... смотрите! – Агарлок бросил за спину «кнопку». Он постарался отбросить ее как можно дальше. В воздухе жахнуло так, что заложило уши. Пленники в испуге согнулись, а хозяин заулыбался, обнимая своих зеленокожих жен.

– Вот так! Сигнал может быть отправлен на любое расстояние – хоть в другую галактику. Так что вы теперь навсегда мои. Или того, кому я вас продам. Теперь о вашей ра-

боте. Сейчас вас отведут в лабораторию, там каждому наложат матрицу памяти – ту, которую нужно. После того как она укоренится в мозгу, вы будете обладать необходимыми вам знаниями бойца. Матрица для каждого подбирается индивидуально, по его психофизическим параметрам. Но не надо думать, что, когда вам наложат матрицу, вы автоматически станете первоклассными бойцами – это не так. Знать, как что сделать, это одно, а память тела – совсем другое. Чтобы ваши тела «вспомнили», как надо выполнять то или иное движение, надо тренироваться максимальное количество времени. И мы постараемся заставить вас в кратчайшие сроки овладеть вашими врожденными умениями. Тех, кто будет плохо тренироваться, лениться – придется наказывать. Запомните: вы моя собственность. Всякий, кто не выполнит мои приказы, будет наказан. Вот ваши тренеры – Халкор и Сильмара. Сильмара будет тренировать женщин, Халкор – мужчин. Они же должны давать оценку вашим умениям. И вашему поведению. Их приказы – закон до тех пор, пока приказ не отменил я. Если рядом нет ни тренеров, ни меня – вам могут приказывать Амилла и Скирина – они вправе приказывать все, что угодно, вы должны выполнять любые команды, кроме команды покончить с собой. – Агарлок улыбнулся, скривил тонкие губы. – Но они не станут наносить вред моему имуществу. А вот я могу приказывать покончить с собой тому, кем буду недоволен. Все, Халкор, Сильмара – ведите их в лабораторию.

– Видал, русский, во что я превратился, – рыкнул кто-то рядом, когда они шли в лабораторию за двумя наставниками. – Смотри, я никогда не смогу жить с людьми и быть человеком!

Слава поднял глаза и посмотрел в маленькие желтые гляделки Арни – они горели звериным огнем, и на душе Славы стало тоскливо – неплохой ведь был парень, ну почему тот урод, шпана, сохранил человеческий облик, а этот мужик стал зверем?! Значит, было у него в душе что-то звериное, что вырвалось наружу и изменило его. Похоже, под маской веселого, разговорчивого человека скрывалось что-то темное, страшное. Чем он занимался, как жил? Это прямо по буддистским понятиям: плохо себя вел в прежней жизни – родишься в следующей реинкарнации каким-нибудь чудовищем. Вот и родился...

– Я сочувствую тебе, – сказал Слава, стараясь осторожно подбирать слова, – все мы тут оказались не по своей воле – не повезло. Но наша задача – выжить. Тебе не повезло больше, чем мне... наверное. Я еще не знаю, что со мной будет. Ты подумай, может, тебе это тело лучше поможет выжить, чем мне? Я простой человек, а ты гризли, самый опасный зверь на севере! Так что... у нас есть пословица: «Все, что бог ни делает, к лучшему». Может, и это к лучшему?

– Не к лучшему. – Покачал головой американец. – Хреновая у вас пословица. Но говоришь ты разумно. Может, я так и в самом деле выживу... черт с ними, с когтями! – Арни

хлопнул Славу по плечу так, что тот покачнулся и чуть не упал. Удар был неожиданным, быстрым, как молния.

Впрочем, если бы Слава захотел, как ни странно, он бы от него уклонился – лапа гризли летела довольно медленно. Да и то, что он покачнулся, было в общем-то скорее показной слабостью – ну зачем расстраивать человека, уверенного в том, что обладает медвежьей силой? Только вот странно – ведь у Арни и правда должна была быть медвежья сила, почему же Слава так легко воспринял его удар? Даже плечо не заболело!

Масаи, идущий рядом, странно посмотрел на Вячеслава – он как будто понял, что произошло, но по своей привычке высокомерно смотреть на всех, кроме масаи, промолчал: ну занимаются ерундой эти белые, и пусть занимаются.

Процедура наложения матрицы не заняла много времени – обруч на голове, никаких ощущений, кроме секундной дезориентации. Встал с кресла, вышел. Все. Что там изменилось, что нет – неизвестно. Какую программу заложили в голову – неизвестно.

После лаборатории все зашагали обратно – в тот же самый зал, там хозяин давал ценные указания, как выжить в нынешних не шибко благоприятных жизненных условиях.

Теперь настал черед узнать – кто и чего стоит. Всех будущих бойцов выстроили перед инструкторами, и те стали внимательно разглядывать своих подопечных, наметанным глазом определяя, кто перед ними. Слава был уверен, что

тренеры просмотрели запись их драки на арене и примерно представили себе, кто есть кто.

Черный, как уголь, Халкор впился глазами в высокого угловатого Славу, который с любопытством разглядывал своих товарищей, и, скривив губы, скомандовал:

– Эй ты, олух! Выйди из строя! Да, ты, белый! Подойди ко мне – сейчас посмотрим, что ты умеешь...

Глава 3

– Нет. Останься на месте. С тобой потом разберемся. Вон ты, зверь, сюда! – Халкор указал на «гризли», и Арни, переваливаясь, как настоящий медведь, вышел вперед, угрюмо сверкая исподлобья маленькими глазками. Халкор минуту рассматривал мутанта, потом усмехнулся:

– Ненавидишь меня, да? Всех нас ненавидишь? Есть за что, согласен. Но это хорошо, что ненавидишь. Я умножу в тебе ненависть и заставлю ее служить делу. Чем больше ты станешь ненавидеть, тем лучше – бой будет красивее. А сейчас предоставляю тебе возможность убить меня. Нападай!

Халкор еще не успел договорить, а Арни уже с ревом бросился на него, оскалил белые острые клыки и стал наносить удары когтистыми лапами. Каждый удар мог снести голову любому человеку – если бы Арни попал. Но он не попадал. Непостижимым образом Халкор уходил от ударов, как будто предвидел, куда удар будет нанесен. Лапы со свистом проносились мимо его лица, живота, плечей, а он иронически улыбался, делая короткие, точные движения – уклоны, нырки, ленивые и мягкие отбивы руками. Наконец ему надоело, и он нанес два молниеносных удара – один пришелся в горло Арни, другой в ухо. Гризли упал на пол и захрипел, задержался в судорогах. Слава смотрел на происходящее. Жестокость этого спектакля, уже, казалось бы, ставшая привычной

за последние дни, привела его в новую фазу депрессии. Им как будто демонстрировали – вот что вас ожидает! Это ваша жизнь! И жизнь эта Славе как-то сразу не понравилась. У него было желание помочь хрипящему на полу мутанту, как-то дать продышаться, броситься к нему, и не сделал он этого лишь потому, что понимал: нельзя. Здесь другие законы, другие правила – каждый сам за себя. Логикой он знал это, а душа не хотела принимать такого положения вещей.

– Ничего, отойдет, – равнодушно заметил тренер. – Будет знать, как очертя голову бросаться на противника. Теперь ты давай! – вызвал человека, похожего на гориллу.

Слава привычно узнал «заклятого друга». Тот вышел осторожно, с опаской глядя на своего противника. После команды некоторое время стоял, не решаясь напасть. Тренер молча ждал атаки, потом сделал длинный молниеносный выпад рукой, и, как копьем, ударил парню чуть ниже носа. Хрустнули хрящи, хлынула кровь, а бандит, ошеломленный ударом, бросился вперед, молотя воздух огромными ручищами со сжатыми кулаками размером с дыню. Тут вариантов не было – повторилось то же, что и в первом бою. После элегантных уклонений «горилла» был повержен на пол и застыл, прижав руки к животу. Он был нокаутирован тремя невероятно быстрыми ударами в солнечное сплетение. Это прозвучало как барабанная дробь, после которой мутант выключился, словно откипевший чайник.

Халкор посмотрел на строй мутантов, застывших с выра-

жением отвращения и неприязни на лицах, и сказал:

– Не нравится? А вы что думали, попали в сад развлечений? То, что вас ожидает на арене, гораздо хуже того, что вы сейчас увидели. И пока вы – никто. Вас может убить любой как следует подготовленный боец. Ваши матрицы не укоренились в сознании, ваши движения неточны, вы не можете воспроизвести то, что вам вложили в мозг. Вы никто. Вы меньше, чем никто. Вы мясо! Чтобы достичь моего уровня, вам надо десять лет биться на аренах и при этом выжить. Основная масса гибнет в первые пять лет. Самые тупые – в первый месяц. До уровня элиты доходят единицы. И только у них есть шанс в конце концов выкупить себя – если позволят. Или перейти с арены в разряд телохранителей и вести более безопасный образ жизни. Остальные станут удобрениями на полях сассумля, или, если их мозг останется цел, будут встроены в боевые машины и транспортники. Хотя вы и прошли мутацию нормально, особых способностей у вас я не заметил. Теперь давай ты, черный здоровила. – Он указал на масаи, невозмутимо и презрительно взирающего на происходящее. Тот вышел вперед и неожиданно заявил:

– Масаи бьются только копьем! Драться голыми руками – занятие тупых белых!

– Хм... Хочешь с оружием попробовать? – усмехнулся Халкор. – Будет тебе оружие!

Он достал из кармана маленький коммуникатор и, развернув в воздухе голографический экран, стал что-то быст-

ро нажимать. Пол через несколько минут вспучился, образовав что-то вроде большого шкафа, и когда тот раскрылся, как огромный сундук, Слава увидел ряды уложенных на подставки орудий убийства. Это были клинки – от простых до клинков совершенно экзотической формы.

В голове странным образом начали всплывать названия каждого: овирон, ганцела, сорказан, а вот этот, похожий на серп, – ангарок. «Понятно, матрица начинает укореняться, откуда бы иначе я знал названия этой пакости?» – подумал Вячеслав и приготовился наблюдать за действиями масаи. Он искренне желал африканцу удачи – очень хотелось сбить спесь с наглого и жестокого тренера.

Халкор достал из арсенала копье – метра полтора длиной, с блестящим ножеобразным наконечником, и бросил его масаи, который поймал оружие в воздухе без напряжения и раздумий. Негр Сенду повертел копье, потряс в руке и, удовлетворенный результатом, широко улыбнулся, обнажив великолепные белые зубы. «Почему у африканцев всегда такие белые зубы? – с недоумением подумал Слава. – Может, они на фоне черной кожи так смотрятся? Впрочем, у меня зубы не хуже...»

Высоченный масаи, переливаясь черной, как ртуть, кожей, крался к тренеру, фиксируя его взглядом. Теперь было видно, что он и вправду мог убить львов, о которых рассказывал. Его движения были точны и выверены до миллиметра. Африканец, не споткнувшись, перешагнул через те-

ло «кепочника», все еще лежавшего без сознания, и, сделав несколько пугающих движений копьем, имитирующих удары, устремился в атаку, вращая своим оружием в разных направлениях так, что простому зрителю не было видно ни одного удара, лишь какое-то туманное облако вокруг черного и блестящего, как антрацит, тела.

Масаи и сюда умудрился прийти, надев лишь штаны – его торс был до пояса обнажен и блестел, как намазанный маслом.

«А может, и намазанный? Если уж щи можно получить из универсальной стены выдачи, то, наверное, масло-то она дать может!» – подумал Слава, сосредоточенно следя за каждым движением противника, – кто знает, может, и придется встретиться в бою.

Халкор из оружия взял себе два коротких меча, черные, они казались продолжением его рук, их прихотливый изгиб вызывал мысль о женском бедре, а не об оружии. Хотя... у Славы теперь все вызывало мысль о женском бедре. Он не раз ловил себя на том, что рассматривал своих коллег-женщин, а еще – стоящую позади Халкора черную тренершу, которая казалась Славе очень соблазнительной. Он тряхнул головой – эти мысли могут свести с ума, если себя не контролировать! Бедная Лера! Если с ней происходит то же самое, ей гораздо труднее, чем любому мужчине, – все-таки для мужчины моногамия всегда была чем-то прощаемым. Типа того, что настоящий мужчина должен иметь много женщин!

А вот для женщины... тут гораздо сложнее. Общество всегда очень негативно воспринимало половую распущенность женщин. То, что мужчине прощалось и считалось невинной шалостью, для женщины было равносильно позору!

Углубившись в самоанализ, он чуть не пропустил самое интересное: Халкор, увязший было в вихре движений масаи, вдруг превратился в ураган, в вихрь, через секунду масаи лежал на полу с перерубленной рукой – были видны белые кости, торчащие из предплечья. Рука повисла на мышце и согнулась под углом девяносто градусов. Кроме того, в бедре негра торчал один из клинков, пробивший его стройную, мощную ногу насквозь и вышедший с другой стороны.

Халкор обвел глазами строй и сказал просто, весомо:

– Три. Три идиота решили, что они могут победить мастера с десятилетним стажем. Мастера класса «элита». Может, все сразу хотите попробовать? Или оставите это до лучших времен? Сильмара, проверь, как работают женщины. С кого начнешь?

– Вот с этой маленькой развратницы, – усмехнулась тренерша и показала на Леру. – Похоже, ее переделали с запасом. Видал, как она смотрит на тебя? Чуть не раздевает взглядом! Вообще-то я всегда говорила, что нельзя смешивать шлюх и бойцов! Шлюха может хотеть своего противника, и как же тогда ей эффективно убивать его? Ну о чем они там думают?!

– Это не наше дело, о чем думают хозяева, – осадил жен-

щину Халкор, – это их проблемы. А наша проблема состоит в том, чтобы эта шлюха, как и все остальные серые скоты, продержалась на арене не один бой. И не два. А хотя бы десяток. И чтобы хоть кто-то из них добрался до элиты. Для этого нас и держат. Давай, пробуй ее. Я пока займусь этими дебилами – надо им посадить медицинского слизняка. Кстати сказать, последний боец был хорош. Против обычных противников он, пожалуй, устоял бы. И даже победил бы кое-кого... Если с ним потренироваться как следует... Скорость у него на высоте, вот только матрица отстает от тела. Да и владение копьем дикарское – придется выбивать эту дурь из головы и переучивать заново. А так – зрелищно, не правда ли?

– Зрелищно. Кстати, пусть эти бабы выйдут друг против друга, – предложила Сильмара, – симитируем бой на арене так, как он происходит в реальности. Как считаешь, может, это будет более наглядным уроком? Боюсь, что бой с тобой вселил в них неуверенность. Пусть посмотрят, что могут сделать с равными.

– Хм... ну, ты психолог, тебе виднее, – кивнул тренер, – занимайся. Только проследи, чтобы не слишком покалечили друг друга – нам в ближайшее время предстоит много заниматься, надо, чтобы они восстановились как можно быстрее.

– Кто бы говорил, – фыркнула тренерша и кивнула на стонущих гладиаторов, лежащих в луже крови.

– Это ничего, завтра будут как новые, – усмехнулся Хал-

кор. – Надо же было им преподать урок и показать, кто есть кто. С оружием поставишь?

– Нет. Пусть пользуются тем, что у них есть. Забавно будет посмотреть – две самки-зверя против друг друга. Заодно проверим, как ложится матрица. Сейчас должно укорениться процентов десять.

– Вряд ли – процентов пять, и то хорошо – прошло-то всего ничего после окончания работы. Ну да ладно, не будем терять времени. Командуй!

– Эй ты, пятнистая, выйти из строя. И ты, усатая, – тренер показала на женщину-кошку, – сейчас будет бой в полную силу. Вы должны показать все, на что способны. Снять одежду! Совсем! Ну что уставились? Все бои на арене ведутся без одежды – никакой защиты, никакой брони – только голое тело и оружие! Быстро сняли!

Женщины, стесняясь и косясь на наблюдающих за ними коллег, скинули башмаки, стянули с себя брюки, свитера и остались нагишом.

Слава с интересом разглядывал их тела и поражался тому, как мутация сумела сплавить воедино человека и зверя. Стройное тело Леры с небольшой крепкой грудью и подтянутой попкой казалось отлитым из красноватой меди, по которой шли пятна, как у леопарда. Тело осталось человеческим – по крайней мере внешне никаких изменений видно не было. Грудь, стройные ноги, красивые плечи... гени- талии, покрытые легким пушком. Впрочем, легкий, еле-еле

заметный пушок пробился и на ногах ниже колен, он опустился на ступни – вот тут сходство с человеком заканчивалось. Ступни были нечеловеческие – широкие, круглые, с толстенькими пальчиками, из которых, когда Лера волновалась, вылезали страшные острые когти, способные разрезать на полоски мягкую человеческую плоть. Вообще-то девушка выглядела так сексуально, так притягательно, что даже если бы Слава не был заражен постоянным желанием совокупления, как племенной жеребец, он все равно завелся бы при виде такого красивого и экзотического тела. Теперь он понимал, почему в борделях города котируются экзотические шлюхи – по крайней мере так говорили ранее их хозяева. Да, гуманоиды сумели сделать из обычной красивой девушки роковую женщину-леопарда.

Женщина-кошка была ближе к зверю, чем Лера – все ее тело оказалось покрыто мягким, переливающимся мехом, кроме того, у нее обнаружился небольшой полуметровый хвост, он выскочил из брюк, когда женщина раздевалась. Стоящий рядом мужчина издал какой-то непонятный звук и сквозь зубы сказал:

– Танцовщица была. Амплуа – женщина-кошка. Вот и доигралась! Мужчин любила – как кошка! Бил не раз и не два – заставлял в постели с любовником. С-с-сука! Вот теперь и походи кошкой!

Слава перевел глаза на говорившего и увидел рядом с собой мужчину, похожего на вампира – острые зубы выпирали

изо рта, глаза глубоко запали, а огромные мосластые руки напоминали руки Славы крупными ладонями и толстыми, мощными запястьями.

– Я венгр. Мое имя Габор. А эта сучка... кошка, я имею в виду... моя бывшая любовница, Агнешка. Давно бы прогнал эту шлюху, но как она была божественна в постели! Из-за нее попал сюда – эта дрянь собиралась полчаса, весь извелся, ожидая – хотели в ресторан пойти. Вот и прособирались – раньше бы вышли – поели бы черепаховый суп, съели омара, запили бы его белым полусладким, пошли бы домой, я бы оторвался хорошенько, она изобразила бы вселенскую страсть, а потом попросила бы оплатить ее счета: «Совсем немного, всего на восемь тысяч евро! Ну что тебе стоит, пупсик! Ты такой сла-а-авный! Я тебя так люблю-ю-ю!» А закончилось все из-за этой сучки – в рабском загоне! Вот скажи, это справедливо? Хочу, чтобы твоя барышня хорошенько поддала ей – пусть отрабатывает в аду свои прегрешения!

– А почему ты решил, что это моя барышня? – пожал плечами Слава. – Она сама по себе, я сам по себе.

– Ну конечно, – усмехнулся Габор, – я что, не вижу, как вы друг на друга смотрите? Вы же влюблены друг в друга по уши! Я, братец, уже пятый десяток разменял, кое-что понимаю в любви. Кроме того, как ты этого придурка избил – так просто все, что ли? За чужую девку полез? Всегда видно, когда человек к кому-то неровно дышит.

– Неужели тебе шестой десяток? – удивился Слава. – Не

похоже.

– Теперь – да. Не похоже, – усмехнулся Габор. – Выглядел-то я по-другому. Гораздо старше. Мутировал, понимаешь ли. А то, что она твоя барышня, ты не отрицай, зачем отрицать очевидное? – Габор кашлянул и тихо засмеялся. Слава посмотрел на него, пожал плечами и перевел взгляд на площадку.

Женщины стояли, пожирая глазами друг друга, и ожидали команды тренера. Слава невольно залюбовался – обнаженные мутантки были до того красивы, до того экзотичны, что его передернуло от желания, и он усилием воли заставил себя успокоиться.

– Начали! – скомандовала тренерша, и бой начался.

Если кто-то когда-то видел бой двух кошек... Так вот, бой двух мутанток чем-то напоминал этот бой с шипением и дикими воплями, вот только кошки редко выходят из схватки такими располосованными, какими оказались эти женщины в первые же минуты боя. Обнаженные тела не были защищены. Когти, острые, как бритвы, разили противниц со скоростью пули, и лишь кошачья ловкость позволяла избежать больших увечий. На боку Агнешки разошлись пять разрезов, обнажились белые кости, толчками лилась кровь. У Леры имелись разрез на спине и рана вдоль левой руки, обильно кровоточащая и разбрасывающая кровь по всей площадке. Капля крови девушки ударила в щеку Славы над уголком рта, потом скатилась вниз, и он, непроизвольно облизнув-

шись, почувствовал соленый, отдающий железом вкус Лериной плоти. Бой продолжался, в какой-то момент Лера, изогнувшись в сальто, рванула противницу за голову, практически сняла с нее скальп и обнажила красный, с прожилками вен череп.

Агнешка упала, Габор рядом вздохнул:

– У нее были такие густые черные волосы!

– Стоп! Стоять, я сказала! – Тренерша сбила с ног зашипевшую Леру, совершенно потерявшую человеческое обличье и действительно превратившуюся в разъяренную самку леопарда, визжащую, шипящую, состоящую из клубка когтей, зубов и стальных мышц.

Слава даже усмехнулся: «Вот так вот доводить свою жену до белого каления... Может, правильно не женился? Всегда подозревал, что в любой женщине таится такая вот... пантера!»

Наконец Лера успокоилась, спрятала когти, пригладила растрепавшиеся короткие плотные волосы-шерсть и снова стала походить на ту Леру, которую он впервые увидел в юбке-шортах. Вот только голую, пятнистую и медно-красную.

Тренерша что-то ей сказала, ласково, как хозяин собаку, принесшую палку, хлопнула по твердому заду и, достав из контейнера что-то полупрозрачное, переливающееся, шлепнула непонятные штуковины на раны. Лера даже не поморщилась. Слава удивился, но потом вспомнил о повышенном болевом пороге. Получалось, что эти женщины почти не чув-

ствовали боли, пока разрушение организма не становилось фатальным и они не выходили из строя.

Агнешка сидела на полу, натягивая скальп на череп, тренерша отправила ее в свою комнату – восстанавливаться как положено: тут слизняку работы было на несколько суток. Лерины же медицинские роботы деловито ползали по ее спине и руке, штопали раны и оставляли на месте швов лишь красные полосы, быстро зарастающие прямо на глазах.

– Теперь вы видели почти настоящий бой, – усмехнулась Сильмара. – Почему почти? А потому, что в реальности женщина-арсис уже лежала бы с оторванной головой. Конечно, если бы бились насмерть. Но не бойтесь – бои насмерть не такое частое дело, как все думают. Обычно самое главное, чтобы противник не мог сопротивляться. Но уж если заказывают бой до смерти, вы обязаны убить противника. Кем бы он ни был. Вашим другом, любовником, любовницей. Кем угодно.

– Можно задать вопрос? – неожиданно попросила Лера.

– Хм... ты меня перебила. Но ладно. Прощаю. Ты заслужила и получишь ответ на свой вопрос. Спрашивай.

– Скажите, а мы можем передвигаться по территории базы в пределах действия кнопки? И еще – допускается секс между бойцами или надо спрашивать вашего разрешения? Можем ли мы посещать своих товарищей?

– Что я тебе говорила?! – Сильмара с неудовольствием обернулась к напарнику: – Видишь, она все свое время гото-

ва посвятить кувырканию в постели! Шлюха она и есть шлюха... Хотя... боец хороший. Девушка имеет стержень, дух! Если бы еще не теряла разума и не становилась в бою кархузом... впрочем... а может, в этом ее сила? Ладно, отвлеклась. Итак: вы имеете право посещать своих товарищей, это не запрещается правилами. Однако должны понимать, что вас могут выпустить на арену против любовника или любовницы. Приятно ли вам будет убивать свою подругу? Или друга? Поверьте мне, это очень, очень тяжело! – Глаза женщины затуманились, она как-то сразу постарела, стало видно, что ей уже не менее сорока лет. – Впрочем, я могу понять тех, из кого, кроме бойцов, сделали еще и сексуальные игрушки. Если они не будут время от времени сбрасывать напряжение, сойдут с ума. Но в любом случае, полноценных бойцов из них точно не получится – как можно полноценно тренироваться, если все время думаешь о том, что кто-то должен тебя как следует отходить? Тьфу!

– Ты опять за свое! – предупредительно и хмуро посмотрел на тренершу Халкор. – Это не наше дело. Пусть они сами думают, как поступать. Наше дело – приложить все усилия для их тренировки. Кстати, хочу посмотреть, как работает вот этот дылда – я видел его на записи, он чудовищно силен, как он метал трупы и раненых во врага! Это песня! Эпос! Если бы не он, команду точно покروшили бы. По нему не видно, что парень претерпел какие-то изменения. Меня это беспокоит. Неужели у него такой иммунитет, что он просто

уничтожил вирусы? Таких случаев еще не было. Я оставил его напоследок. На десерт, так сказать. Еще что-то добавишь к своим словам? – спохватился Халкор.

– Да почти ничего. В общем, так, бойцы – делайте, что хотите – хоть мужики с мужиками, хоть бабы с бабами, но запомните: во-первых, вы бесплодны. Вы никогда не сможете иметь детей. Это прискорбно, но факт. Во-вторых, если вы не будете показывать результатов в борьбе, станете лениться, вам запретят свободные передвижения и вашу любовь. И вообще – будете каждый день биты. В-третьих, у каждого в комнате есть специальные нейростимуляторы, которые имитируют все, что надо. Любой секс, любые ощущения. Считается, что это изобретено для низших слоев населения, для черни; аристократы, да и просто обеспеченные, уважающие себя люди, занимаются этим только вживую. Но вы ниже низших, а потому – для вас сойдет. Вот теперь все. Стоп! Еще добавлю: вы можете следить за жизнью мира через голографические экраны, стоит только приказать комнате. Это если вы еще не догадались. И особенно не переживайте – жить будете недолго, но ярко, интересно. Сидели бы сейчас на своей затхлой планетке и не видели бы всех этих чудес! А теперь вы прикоснетесь к великим чудесам цивилизации! – Тренерша горько усмехнулась: так говорили всем рабам, которые только что прибыли на Алусию. Алусия – это мечта, рай, центр вселенной, сюда слетаются самые богатые существа со всей галактики! Тут рай! Для тех, у кого есть день-

ги... Да... А вы призваны их обслуживать.

– Наговорила ты, – усмехнулся Халкор, – ребята, над дверями комнаты, предназначенной для вас, будет висеть ваше голографическое изображение. Каждая комната подготовлена именно для этого индивидуума, с учетом нынешних ваших параметров. После окончания тренировки можете идти к себе в комнату. Или же искать тех, с кем можно заняться сексом! – откровенно рассмеялся он, рассматривая ничуть не смутившуюся обнаженную Леру, на которой так и копошились медицинские слизняки. – Да ладно, ладно, я понимаю. Вы тут ни при чем. Организм требует своего. Ну что же, давай-ка займемся с тобой, белый снежок! Или тебя только для постельных утех обработали? Я-то вижу, как ты сжираешь глазами всех баб! Сильмара, он и тебя уже пять раз долбанул – я думал, у него штаны лопнут, так он глядел на тебя! Прикинь, старушка, ты еще можешь вызывать желание у молодняка в свои девяносто лет!

«Девяносто лет?! – в смятении подумал Слава. – Не может быть! Я бы ей больше тридцати пяти – сорока не дал!»

– Ага, я заметила. А что, хороший мальчик... я бы его взяла себе под бочок! – усмехнулась Сильмара.

– И не думай, – забеспокоился Халкор. – Тут госпожи-хозяйки на него глаз положили, ждут не дождутся, когда он их растянет на кушетке. И, кстати, эту девку хозяин вроде как желал опробовать. Вот после них – другое дело. А пока – ни-ни!

– Да поняла! – как показалось Славе, разочарованно ответила Сильмара. – Давай, пробуй этого, и закончим наш обзорный курс. К настоящим тренировкам приступим завтра – я уже что-то есть захотела... да и разговоры о сексе раззадорили. Посетишь меня сегодня или опять...

– Давай не при всех, а? – поморщился Халкор.

– А чего такого? – равнодушно пожала плечами женщина. – Они вообще еще не люди и даже не звери – никто. Ноль. Плесень на камне. Из них к концу года в живых останется хорошо если половина. Чего их стесняться-то?

– И то верно, – пожал плечами Халкор, – вечером жди, навещу.

«Гниды! – подумал Слава. – Это напоминает то, как английские завоеватели обращались с индийцами – они при них совокуплялись и справляли нужду. Мы же не стесняемся делать это при собаках или кошках? Вот и они так. И эти тоже. Твари! А Лера-то, Лера! Вот приперло ей... нимфоманка? Можно сказать и так. Твари, изуродовали девку! Ведь чистая, нежная, прямо аки тургеневская барышня была! И вот теперь... А что удивительного-то? Человек – тот же зверь, только обладающий определенной оболочкой из закачанного в него понятий о честности, нравственности, законах и устоях. А сорви с него оболочку, что будет? Вот то-то и будет! Сам-то я убивал беззащитных людей, швырял их во врага. Скольких я так добил? Даже подумать тошно...»

– Выйдешь ты или нет? – хлестнул по ушам голос тре-

нера. – Вот урод! Ты смотри, Сильмара, из него, похоже, и правда мальчика для удовольствий сделали! Тупой, как пень! Пять раз сказал: «Выйди вперед!» – стоит, мечтает! Ну и ну! Похоже, с этими рабами мы страдаем! Хоть и не люблю пороть, но придется почаще их взбадривать! Ты, ты, и ты – выйти! Будете биться против белого. Ваша задача избить его так, чтобы он не мог доползти до комнаты. Заметь, подруга, как я совместил тренировку с наказанием! – Халкор усмехнулся и подмигнул Сильмаре. – Отлупят его, быстро научится слушать своего господина!

– Кстати сказать, я бы тебе посоветовала добавить еще двоих – что-то подозрителен мне этот нежный мягкотелый парнишка. Встречались мне такие... тихони. И еще – они все не научены контролировать удары. Ты не боишься, что кто-то из них умрет? Хозяин с нас шкуру спустит... с тебя. Я не участвую в этом безобразии и сразу предупреждаю – я тебе говорила, что этого делать нельзя, так как могут быть плохие последствия. Ты меня слышал. Это зафиксировано средствами коммуникации. А теперь поступай как хочешь. – Сильмара пожала плечами, демонстративно отвернувшись и равнодушно уставилась в пустоту.

Халкор с досадой закусил губу. На его лице было написано сомнение, но потом он качнул головой в знак отрицания:

– Ничего не будет! Забить они его не успеют! Я-то рядом!
– Глупый, я говорила не о том, что они его забьют, а о том, как бы он их не убил! – нахмурила брови тренерша.

– Чушь! Мальчик для утех с оттопыренными штанами! Да он ходячий фаллос, а не боец! Ты и ты – выходите. Итак: вас пятеро против одного. Бить в полную силу, слушать сигнала, когда зазвучит сирена – бой окончен. Кто замешкается – угощу по спине болевиком на полном разряде. Ваша задача – измордовать противника как можно быстрее и сильнее. На все про все даю вам три сентанса. Твоя задача, жеребец тупорылый, продержаться три жалких сентанса. Бегать по залу нельзя. Иначе я сам тебя выпорю болевиком.

Слава смотрел на своего тренера и понимал: его хотят покалечить. Просто потому, что хотят. А может, хотят убить. Его жизнь тут ничего не стоит и зависит от таких вот самодуров, как это существо. Впрочем... а разве на Земле было не так? Разве всегда не находился кто-то, управлявший его судьбой и судьбой других людей, как ему заблагорассудится? Не считаясь ни с их желаниями, ни с их возможностями. Ну что же... по крайней мере без боя он не сдастся. А люди – вон с какой готовностью выстроились они его убивать! Правильно, своя рубашка ближе к телу. Может, они эти качества в бойцах воспитывают? Каждый сам за себя! Каждый сам за себя! Надо твердить это каждый день и как можно чаще. Тогда, наверное, появится возможность выжить.

«Итак, против меня: Габор (непонятно, кто он и что – вампир? Кровь кинется сосать? Волкообразный, полумедведь... Ну этот – как человек... только вот когти ой-ей. И пятый – мой дружбан, бандюк?! Ну-ну... не упустил возможности

отомстить, ага!» – Все это промелькнуло в голове Славы как молния. Он расслабился. Его словно накрыло красным туманом, сквозь который он слышал команду тренера:

– Начали!

Эти мутанты почему-то двигались медленно-медленно, как в замедленной съемке. Он видел, куда будет направлен удар, куда пойдут рука, нога – убрать тело из-под удара было бы просто, если бы тело не было столь неуверенным. Оно как будто вспоминало, что надо делать, с какой-то задержкой, с промедлением, отчего он с большим трудом уклонялся от ударов.

Спасало только то, что удар, который должен был прийтись в голову, живот или спину, он видел как-то странно – вначале чудилась некая тень конечности, несущейся к нему, этакий образ, мираж, а уж потом через некоторое время действие разыгрывалось в реальности. Фактически получалось, что он видел удар раньше, чем тот был обрушен в его сторону. И еще – противники нападали со всех сторон, но если удар шел со спины, Слава все равно его видел, как будто удар фиксировался в телекамере, направленной назад. Это было немного смешно. Вячеслав стал глупо улыбаться, хихикать громче и громче – похоже, что накатила самая настоящая истерика, порожденная последними событиями. Много всего накопилось у него в душе за эти дни. Со стороны, наверное, выглядело странно и страшно – человек вертится в вихре ударов, уклоняется от жутких монстров, которые и в

дурном сне испугают, а он смеется в голос и чудом остается невредимым – ни единой царапины.

Тренеры застыли и смотрели на него выпученными глазами. У Халкора отвисла челюсть. Похоже, они с Сильмарой, потрясенные результатом схватки, впали в ступор. А может, время остановилось для него? Скорее всего так: с начала схватки прошло не более трех секунд, или как их тут называли – ансов. Впереди еще три минуты – три сентанса: раунд, который предоставили его «друзьям» для того, чтобы выбить из него «дурь». Неожиданно на Славу напала боевая ярость, похожая на ту, которую он испытал во время изменения тела. Душить! Бить! Рвать! Уничтожить напавших! Это было заложено в самом геноме, измененном по прихоти жестокосердых инопланетян. И землянин поддался.

Первым пал Габор, мелькавший перед Вячеславом, как тень, – удар широченной, как лопата, ладони сломал ему носовую перегородку и вбил в мозг кусочки кости. Габор умер мгновенно, даже не успев понять, что с ним случилось. Вторым пал неизвестный, похожий и на человека, и на волка одновременно. Шея человековолка упокоилась на плече, повернувшись на девяносто градусов относительно первоначального положения. Третьему противнику повезло – он отделался разбитой печенью, такие умирают долго, потому их можно спасти – если вовремя прилепить медицинского робота. Бандюк завершал и попытался сбежать, повернувшись к Славе спиной – удар сзади сломал ему позвоночник и

уже на отходе локоть превратил в кашу челюсть пятого, медведеобразного. Тот еще не успел упасть, захлебнулся кровью, а Слава отошел на два шага и, став в боевую стойку, нацелился на тренера: все-таки что-то из матрицы уже укоренилось в его голове.

В два прыжка он настиг ошеломленного происшедшим Халкора. Неизвестно, что бы было, если бы голову не пронзила страшная, ужасная боль, отключившая его от белого света. Слава упал, зажал голову рукой и отключился.

...Шум в ушах, голоса, звон... Медленно-медленно пришло осознание: «На полу. Жестко. Голова болит – но не так сильно. Оглушили ударом через кнопку. Что тут было? Что произошло?»

Не открывая глаз, он прислушался. Голоса жужжали вокруг, потом он стал вычленять слова. Слова складывались в предложения – ага, Вячеслав стал понимать. Говорили Халкор и Сильмара. Впрочем, слышался еще чей-то голос. Хозяин? Агарлок?

– Дебилы! Уроды! Скоты! Я для чего вас держу?! Чтобы вы тренировали моих бойцов! А вы? Ты, скот, объясни, для чего ты это устроил? Двое мертвы, трое в тяжелом состоянии, один валяется –дохлый?! Это что было-то? Кто мне скажет? А? Халкор? Если сейчас твои объяснения меня не удовлетворят, я тебя самого продам вместо испорченного товара! Скоты! Ничего доверять нельзя!

– Хозяин, я хотел... – Голос Халкора смолк, перекрытый

голосом Агарлока:

– Ты хотел, тварь?! Ты хотел? Я здесь имею право хотеть! А ты, тварь, должен выполнять мои распоряжения! Мои приказы!

Послышался голос Сильмары:

– Хозяин, мы проверяли способности бойцов. Я спешу поздравить вас!

Молчание. Вновь загудел удивленный голос явно опешившего Агарлока:

– Ты в своем уме или издеваешься? Ты что, глупая сука, издеваться надо мной вздумала? Да я вас!..

– Хозяин, не спешите. Вот запись поединка. Вы же признанный знаток боевых искусств. Смотрите на запись – замедляю. Смотрите, что делается... вот... вот... смотрите – видите?

– Хм... что ты хочешь сказать – псионик? Этот вот белый мальчик – псионик?

– Не только. Я еще не знаю, что точно кроется в его способностях, но за то, что он псионик, – я ручаюсь. Глядите – он угадывал место, куда придется удар, раньше, чем удар туда попадал! Он видел все удары – даже те, которые шли из-за спины! Поздравляю – вы вырастили отличный экземпляр с огромными потенциальными возможностями! Его стоимость в несколько раз превышает стоимость всех этих рабов! Мои поздравления!

– Льстишь, животное? – Голос хозяина подобрел, он усме-

хался. – Умеешь льстить. Умеешь... ничего не могу сказать. Только вот как же, придурки, получилось, что вы этот потенциально гениальный экземпляр чуть не загубили? Чего он валяется на полу?

– Ничего страшного. Ударили болевым излучением – он, после того как этих за пять секунд перебил, полез на Халкора. Тут уж деваться было некуда – парень совсем голову потерял, пришлось успокоить. Да и ему будет полезно знать, что какой бы он ни был выгодный и потенциально успешный, а все равно должен знать свое место.

– Это правильно. Ну-ка, разбудите этого спящего. Хочу на него посмотреть... А почему он почти голый? Это они его так обработали?

– Они... – фыркнула Сильмара. – Когти-то немаленькие, тело не зацепили, а одежду – как лучевиком настругали. Приятно посмотреть – задница-то у него очень даже соблазнительная!

– Эй, эй, на задницу Халкора гляди! А это наша задница, – послышался насмешливый женский голос. – Вы там не попортили ему самое главное?

– Самое главное? Язык, что ли? – невинно осведомилась Сильмара.

– Это у твоего Халкора самое главное язык – больше-то ничего не работает, – парировала Амилла. – И вообще, слишком много себе позволяешь! Язычок-то свой прикуси...

Все замолчали, потом веко Славы подняли, и в поле зре-

ния оказалось лицо Халкора, какое-то жалкое по сравнению с тем, каким было в начале тренировки, с белесыми пятнами на щеках, что, видимо, было равносильно красным пятнам на лицах людей.

«Видно, хорошо досталось придурку! – подумал довольный Слава. – Жаль, не успел! Я бы тебе показал, почем фунт лиха!» Почему-то он не сомневался, что это ему удалось бы, несмотря на боевой опыт и умения тренера.

«Что они там говорили о псионике? Что за дела? Надо вставать – опять этот чего-то вопит...»

– Вставай, белый! Хватит разлеживаться! Ты вполне уже можешь стоять на ногах! – Тренер склонился над лежащим парнем и со всей дури двинул ему ладонью по голому заду, отчего Слава дернулся и выругался матом, что для него было несвойственно. Впрочем, как говорится: «Что говорит профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы, попав ногой в незакрытый канализационный колодец? То же самое, что слесарь-сантехник Василий Перебийнос».

Слава поднялся, сосредоточившись на том, чтобы не упасть. Слегка кружилась голова. Он пошатнулся, когда вставал.

Услышал за спиной бурчание Сильмары:

– Даже не верится, что он всех чуть не поубивал. Олух олухом!

– Из таких выходят первоклассные телохранители, – возразил хозяин. – Глядя на них, никогда не подумаешь, какая

мощь таится в их теле. Кстати, скорость у землянина была на высоте, хотя и видно, что он не вполне владеет своим телом. Ощущается запаздывание реакции.

– Верно, господин! Вы абсолютно точно заметили – запаздывание в долю секунды. Внешне несведущему человеку незаметно, но настоящий мастер сразу это поймет. Вы, как всегда, на высоте! – согласилась с хозяином тренера.

– Льсти, льсти... негодяйка! Все равно вычту с вас за погубленных бойцов! Вы не должны были стравливать между собой непроверенных мутантов! Это глупо и опасно, уж вы-то должны знать! Кто это придумал? Ты, Сильмара? Или ты, Халкор? Или оба вместе?

– Я, – неохотно ответил мужчина, – он показался мне таким неопасным, таким тупым олухом. Я ошибся. Слышал, что ему ввели вирусы, отвечающие за сексуальность, решил, что бойца из него не получилось, а тут... Он еще так тупо, медленно реагировал на приказы. Вот я и подумал: «Надо выбить дурь из парня!» Кто же знал? Мальчик для утех, а тут такое!

– Дурак! Если бы ты занимался вирусологией тысячи лет, как это делала моя семья, то знал бы, что сексуальность человека и его боевые способности состоят в родстве! Самые лучшие бойцы по сути настоящие жеребцы! Они как бы черпают энергию боя из своей сексуальности, а мы ее у этого белого усилили, объединили, переплели с боевым усилением! Девка та, из которой сделали одновременно и шлюху, и бой-

ца, думаешь она просто так победила свою соперницу? Почему оказалась сильнее, быстрее? Потому что это сплав – сексуальность, жизненная энергия, боевые качества! Всем нашим лучшим бойцам всегда прививаются и сексуальность, и бой, потому наши бойцы славятся по всей Алусии! Из них выходят и самые лучшие телохранители! Кстати, повышенная сексуальность – это еще и бонус для клиентов и клиенток, потому приказываю не ограничивать их в связях! Пусть совокупляются, как арсисы! Только крепче будут. Все-таки я начинаю думать, что зря нанял тебя для обучения бойцов, глупый ты какой-то, несведущий в тонкостях дела. – Агарлок с неудовольствием разглядывал смущенного тренера, а потом, пожав плечами, вздохнул: – Надеюсь, ты исправишь положение дел и выучишь бойцов как надо. Теперь уже поздно искать тебе замену – время поджигает. Клиент ждет свежего мяса. Сколько тебе надо времени, чтобы как следует подготовить бойцов?

– Два месяца. За это время укоренится матрица, я натаскаю их специальными приемами и укреплю равновесие тела и матрицы.

– Хорошо. С этим, – Агарлок указал на стоящего в стороне Славу, – займись отдельно. И с ней тоже, девка перспективная. – Он указал на Леру. – Скорее всего, будем продавать в паре. Станут биться парой против пары – клиенты любят смотреть на экзотику. Хорошо бы еще, чтобы они влюбились друг в друга, может, гипнозонд поставить? Пусть друг без

друга жить не могут! Есть интересный проект на этот счет...

– А они и так влюблены друг в друга, – откликнулся тренер. – Мне доложили по результатам наблюдений, да я и сам просматривал записи. Так что ничего и делать не надо!

– Хорошо все складывается, – задумчиво протянул хозяин, – слишком хорошо... Если не считать двух трупов. Кстати сказать, сегодня пришлешь девку ко мне – должен же я попробовать, что получилось. Девочки, не возражаете?

– Не возражаем, – в один голос ответили жены Агарлока, Амила добавила: – А его пусть к нам приведут, хорошо? Мы тоже хотим попробовать! Вон какой... жеребец!

– Мда-а-а... – протянул Агарлок, разглядывая практически голого Славу. – Жеребец что надо... боюсь, после такого... вы и меня не захотите!

– Фу! Ну что ты говоришь! Это же фактически животное, а ты мужчина! Раб не человек – как можно говорить об измене? Мы же тебя не ревнуем к этой девке! Кстати, как ее звать? И как звать белого?

– Эй, белый, как тебя звать? – крикнула Скирина, впившись глазами в Славу. Он, к стыду своему, опять почувствовал, что стал возбуждаться – просто от женского голоса!

«Вот хрень какая! Стыдоба! Да что за гадство?! Ну нельзя же так – от любой женской задницы, ляжки, просто голоса... Кошмар! Как жить-то?! Сволочи... пусть они стыдятся – мне-то чего стыдиться?! Они меня таким сделали, гниды... ох, как я их ненавижу... а баб этих хочу! Ой, мамоч-

ки...»

– Меня звать Слава, – хриплым голосом ответил он на вопрос, – а девушку – Лера. – Посмотрев искоса в сторону Леры, заметил, что та потупилась и на щеках ее блуждают белые пятна – девушка чувствовала то же самое, что и он, – возбуждение, желание разрядиться. Ему опять стало ее жалко, он отвернулся и постарался выбросить из головы все посторонние мысли. «Сделать ничего не могу, так чего зря стараться, переживать? Да, сегодня ее будет иметь хозяин – на то она и рабыня, чтобы ее имели». Он, похоже, тоже угодит в постель к этим похотливым зеленым телкам – и что? В Освенциме людям хуже приходилось, и все-таки некоторые выжили. И он выживет, и Леру вытащит, и гадов этих прищучит. Вот и цель есть – прищучить гадов – это кроме выживания. У человека должна быть какая-то цель, кроме жрачки, питья, извергания из себя переваренного и размножения? А кто сказал, что такая цель должна быть? А может, нет никакой цели? Ну кроме жрать и размножаться? Как плесень. Или как черви... Человек не знает, зачем живет. Чего голову ломать? Привык над книжками задумываться... Кстати... так не хватает какой-нибудь книжонки... почитать на сон грядущий... Говорят, там у них ящик с волшебными картинками есть? Надо будет посмотреть, что демонстрируют, хоть прикинуть, что за культура...

– Ну что же, имена им оставим прежние, – раздумчиво произнес хозяин, – вполне так звериные имена: легко за-

помнить, легко выговорить. Мне попадались звери с такими именами, что их надо было целый сентанс только произносить! А запомнить вообще не представлялось возможным. Тут же – коротко и ясно: Слава, Лера. На арене – Слава и Лера! А что, хорошо komponуются. Представляете, как бы звучало – на арене Вперспинатонг и Фарабумбаканаларуга! Тьфу!

Все вокруг радостно засмеялись – кроме рабов, угрюмо наблюдавших за хозяевами. Но от них никто и не ждал реакции на шутку. Кто ждет реакции на шутку от шкафа или от кота у блюдечка с кормом?

– Всех по комнатам – отдыхать и лечиться. На Славе нет повреждений? Совсем? Замечательно... ла-ла... ла-ла-ла... шла по дороге... ла-ла-ла... – Агарлок в сопровождении жен удалился и скрылся за поворотом коридора, а Халкор с чувством сказал:

– Спасибо! Ты меня здорово выручила! Я даже растерялся, когда хозяин на меня накинулся! И вроде знаю, что сказать, а не могу слова вымолвить!

– Не за «спасибо» помогала! – усмехнулась тренерша. – Отработаешь сегодня. И так, как я захочу! И все сделаешь, что я захочу!

– Без проблем, не возражаю, – усмехнулся Халкор. – Вот сейчас с этой падалью разберемся, и я в твоём распоряжении! – Он указал на лежащих на полу покалеченных мутантов – они тяжело дышали, но опасность гибели уже мино-

вала, медицинские слизняки управляли процессом заживления, да и регенерация у этих существ была гораздо выше, чем у обычных людей и нелюдей.

Халкор достал коммуникатор, ткнул в него, развернул виртуальный экран с клавиатурой и стал быстро набирать то, что ему было нужно. Виртуальные кнопки пели, изображение меняло форму, а он, как паук, плел паутину команд.

Скоро в зал влетели пять небольших платформ, тоже серо-бежевого цвета, руками-манипуляторами загрузили убитых – бросили их, как мешки, и унеслись. Слава подозревал, что к мусоросжигательному контейнеру... или еще куда-нибудь в местечко похуже. Его чуть не вывернуло – он вдруг подумал, что не знает, какое мясо ел! Откуда взялось это мясо?! Потом приказал себе не думать об этом – вряд ли их кормят трупами убитых людей: где столько людей взять? Скорее всего, просто синтезируют мясо... вот только из чего? Ох, лучше не думать над этим.

Раненых тоже уложили на платформы, только гораздо более осторожно, особенно берегли бандюка со сломанной спиной, вращавшего глазами и яростно матерившегося на окружающих и на Славу, доставившего ему столько страданий.

Платформы с ранеными тоже унеслись, было объявлено: – Все идут по желтой полосе, доходят до комнаты со своим изображением – моются, отдыхают. Если будет нужно – вызовем. Чтобы что-то получить, достаточно об этом ска-

зять. Комната все сделает. Чтобы получить то, чего комната не знает, нужно приложить руку к месту, где появится очертание ладони – машина считает ваши образы. Получите то, что нужно. Все, пошли!

Бойцы устало побрели по желтой полосе – впечатлений было предостаточно для того, чтобы ввести всех в уныние.

Сзади Славы шла Лера, она коснулась его голой спины и сказала тихо, чтобы никто не слышал:

– Я так тебя хочу! А придется спать с этим зеленым. Прости, Слава... Я ничего не могу сделать...

– И я не могу. Как я могу винить тебя в этом? Ничего, даст бог, выберемся. Терпи. Теперь мы с тобой будем вместе. А вместе – легче.

Лера благодарно сжала его руку и, похоже, хлюпнула носом, разнюнившись.

Слава подумал: «И не поверишь, что эта милая девушка в симпатичных пятнышках с гладкими, соблазнительными (тьфу! Будь проклята моя секс-озабоченность!)... Ладно, неважно чем, только недавно визжала, шипела и дралась, как зверь. Сейчас же это воплощенная невинность...»

Над дверями комнаты висело голографическое изображение его лица «Хорошо, хоть не голый на фото!» – подумалось Славе. Стена была открыта, он зашел и сразу скомандовал:

– Закрывать дверь!

Пол тут же вспучился и образовал монолит.

Вячеслав осмотрелся, сел на край кушетки, откинулся на

стену – он слегка устал. Вернее, так – физически-то не очень устал, а вот морально... перед глазами стояли два трупа... он убил этих людей. Габор ему даже нравился – но что было делать: подставить под клыки горло? Нет уж... вы сегодня – я завтра.

– Зеркало!

Стена стала зеркальной. Слава встал, осмотрел себя – повреждений не заметил. Смешно – на шее остался воротник от свитера, как бабочка! Весь голый, а на шее бабочка – как стриптизер на порновечеринке. Помнится, когда только появился Интернет – все кинулись смотреть порнуху – о-о-о-о! Круто! Порновечеринки! Смотри, парни голые! А потом надоело. Скучно. Все когда-то надоедает – кроме жизни, наверное. Есть большие ценности в жизни, чем вот это верчение задом перед пьяными бабами. В этом он был уверен. Но знал и не скрывал от себя: если понадобится – и задом будет крутить, и чем угодно – только бы жить! И кто скажет обратное – мол, умру, а не сдамся, – тот либо врет, либо сумасшедший. Слава же никогда не отличался безумием или глупостью.

Сорвав с себя «бабочку» и остатки одежды, приказал:
– Душ! Теплый!

Ударили струи воды, смыли кровь, пот, негативные энергетические наслоения – текучая вода есть магическая жидкость, она уносит все плохое. Подумал – стоит ли вообще одеваться? В комнате тепло, дискомфорта он, как ни стран-

но, не испытывал... хоть и непривычно было ходить по комнате голышом.

Нет, подумал и решил:

– Одежда, обувь!

Старые башмаки уже сожрал вездесущий пол. Замигали очертания фигуры на стене – достал белые штаны и белый свитер. Решили облагородить гардероб будущего великого бойца? Усмехнулся – вы идиоты, а я д'Артаньян и весь в белом! А что, очень даже подходит к случаю.

Теперь пообедать – решил похулиганить, развлечься. Почему бы и нет? Итак, придется вспомнить самые лучшие деликатесы! Тут же подумалось: «Не пронесло бы? Вот придут зеленые телки, а он занят непонятно чем! Тьфу, какая гадость! И придут же такие мысли в голову!» Слава посмеялся.

Потом приложил руку к стене, стал представлять вкус и вид зернистой икры, свежего сливочного масла. «Балык осетровый – числом два! Омар! Вино белое! Сухач! Шампанское? И его! Что там еще? Виноград? О, господи! Я даже не знаю, чего требовать по своей колхозности! Хочется чего-нибудь эдакого... а я и заказать-то не умею! Вот же гадость! Если бы лазил по ресторанам! Дифлопеее... ой! Отставить! А то ведь правда эту гадость сделает! И с таким же вкусом – то есть безвкусную. Чего там еще – шашлык? Лаваш. Острый соус. А я сожру все это? Не сожру, так надкушу! Все же хоть какой-то вред нанесу гадам-инопланетянам! Ах, Лера, Лера... Сейчас бы бутылку шампанского, посидеть

с красивой девчонкой, поговорить о мировой литературе, о том, как все любят Маркеса и Достоевского, а мы их ненавидим, о том, что мужчины должны быть мужественными, а женщины женственными, и закончить обсуждение в постели, под нежные тихие вздохи и громкие душевные крики – благо, дом отдельный и никто, никто не постучит по батарее: чего, мол, вы там вытворяете, гады, спать не даете?!

Вячеслав усмехнулся, постоял у дверцы с пульсирующим зеленым огоньком, открыл ее – еле успел поймать бутылку «Советского шампанского», кучу балыков, банку с черной икрой – все, что заказывал.

«Балычка заказывали? Благоволите! Свежачок-с!» Ну-ка, пробуем... ничего так, можно есть! А икра... икра... так себе. Не представляют они, что такое икра! А это чудовище я есть не буду... бр-р-р-р... омар на таракана похож. В угол! Жри, тварюга инопланетная! А может, она и правда живая, комната? Почему бы и нет... колония бактерий? А куда деваются отсюда мое дерьмо? Ой-ей... ну зачем эта мысль пришла мне в голову! Похоже, я его ем... дерьмо-то. И, кстати – куда повезли трупы? Нет, есть расхотелось чего-то... А жрать надо – иначе не продержусь!» – Слава заставил себя съесть бутерброд с маслом, балык. Шашлык есть не стал – после мысли об утилизированных трупах на мясное что-то не тянуло. Швырнул остатки еды на пол, попробовал отпить из бутылки вина: «Вроде вкус похож, но какое это, к черту, вино? Только вкус. Алкоголя ни грамма. Табу на алкоголь? А

что, может быть. Зачем им товар портить? Сопьются... Может, заказать залии? Все веселее будет. Какое-то развлечение, эйфория. Нет уж... пошли они к черту с их наркотиками! И на Земле с презрением относился к наркам, считал, что их уничтожать надо, как бешеных собак! И инопланетные нарки не вызывали уважения. Конечно, и в наркотиках инопланетяне наверняка ушли далеко вперед – скорее всего наркотики не вызывают привыкания, как наши. Но я же не debil, портить себе мозги этой дрянью. Скорее всего и хозяева предусмотрели такую штуку – не получишь залии. Ну-ка, проверю!» – Слава приложил руку к стене:

– Банку залии!

Заморгал красный сигнал, голос сказал:

– Отказ. Вредно для здоровья.

«Хреновы поборники здоровья! – внезапно обозлился землянин. – Как заражать всяким дерьмом, так о моем здоровье никто не думал, как выпить – так хрен тебе!» – Вячеслав в сердцах грохнул кулаком по стене, плюхнулся на кушетку и закинул руки за голову:

«Что там о развлечениях говорилось? Ну-ка, ну-ка!»

– Экран визора!

Перед ним на стене появился огромный экран – вернее, не появился экран, а сама стена стала экраном, даже не экраном, а как будто пространство раскрылось, показав ему движущихся людей, город, плавающие в воздухе башни и мелькающие силуэты флаеров – он ахнул от всего, что увидел,

ибо не в силах был сдержать удивление. Это оказалось красиво, но и пугающе – данная цивилизация действительно настолько далеко ушла вперед, что ее представители давно могли бы захватить ту же Землю, только почему они ее не захватывали, как всякие порядочные злобные инопланетяне? Вывод напрашивался сам собой – а зачем ее захватывать, если она давно захвачена?

Если планета служит фермой для откорма и отлова людей? Ведь пропадают люди, и никто их не находит! Часть – списывают на криминал. Но остальные-то куда исчезают? Понятно куда. А почему все это происходит незаметно? Почему просто не прилететь и не забрать кого надо? Может, чтобы не пугать «скот»? Пусть себе плодится и не боится... И еще – может быть, он чего-то не знает? Успокоившись, Слава улегся на кушетку и стал просматривать программы, переходя с канала на канал – справа от него в воздухе висела виртуальная копия планшета управления, переключать программы оказалось очень просто.

Через несколько минут землянин уже погрузился в мир чужой информации, он впитывал новые сведения.

Глава 4

Пленник долго перешелкивал каналы, нажимая на виртуальные кнопки висящего перед ним пульта, наконец ему это дело надоело, и, утомившись от поисков чего-то необходимого, он вдруг подумал: «А какого черта?»

– Новостной канал! Звук громче! – Экран вспыхнул яркой картинкой. Ведущая новостей, девушка с такой же зеленоватой кожей, как у хозяев, в довольно экстравагантном наряде – коротком платье, едва прикрывающем ягодицы и грудь, взхлеб вещала о том, что Алусию посетил наследный принц Гардураны Амбнагор в сопровождении группы своих друзей и почитателей. Дальше пошла картинка: в одно из зданий, висящих над поверхностью планеты, вошло существо, больше напоминающее большого кота, чем человека – такие же создания носились вокруг него: белые и черные кошечки, кошаны, кошки. Славе стало очень смешно, он захихикал, глядя на эту кошачью свадьбу.

Следом пошло сообщение о каких-то светских раутах, в хронике замелькали существа самых невообразимых расцветок и телесных форм. Пленник с интересом разглядывал контингент, прибывший на Алусию, выискивал в толпе монстров хоть кого-то, напоминающего людей. Таких, как оказалось, было довольно много, около половины всех присутствующих, может быть и больше.

«Вероятно, – подумал Слава, – гуманоиды весьма распространены в мире. Многие из планет похожи на Землю, почему бы там не появиться животным, птицам, гуманоидам, походящим на земных? Да, люди, которых я видел на экране, сильно отличаются от тех, каких привык видеть в своей жизни. Но разве они от этого перестают быть людьми? Впрочем... наверное, перестают. После того что я увидел тут, моя вера в то, что «человек – это звучит гордо», как-то поубыла. Вернее, опустилась ниже плинтуса. Ну да, я читал о рабстве, о пиратстве, о торговле рабами, о сопутствующем этому безобразии. Но вот только читать – одно. А оказаться в рабовладельческом обществе – совсем другое! И еще нюанс – в те старые рабовладельческие времена раб еще как-то мог умудриться бежать или перестать быть рабом – здесь же шансов избежать рабской участи совершенно не имеется. Впрочем, проскальзывала какая-то информация о том, что можно выкупиться или перейти в разряд телохранителей...»

Слава поразмышлял над проблемой и решил попозже уточнить, что такое телохранители и с чем их едят. И еще насчет освобождения – есть у него ли шанс?

Он довольно долго шарил по каналам, просматривал и просматривал все, что мог найти в «ящике», и все более разочаровывался: информации – море, но информации – ноль! Зачем ему реклама нового флаера, или лекарства, поднимающего потенцию в сто раз? И не наплевать ли ему на то, что лекарство доставлено с планеты Горонеллы специ-

альным флаером через пятнадцать сентансов после того, как его приготовили? А мазь для хобота, делающая его нежным, и звук, исходящий из него, мелодичным и густым? А игло-вой лучевик для левой руки с двумя запасными батареями? Стоп! А вот тут уже интереснее – как получить этот игловик «всего за сто тридцать семь кредитов»? Ну-ка, посмотрим:

«Правила, по которым покупается оружие...»

Экран сменил рекламу на текст, и Слава с интересом прочитал:

«...Оружием может владеть любой свободный гражданин планеты Алусия, достигший десятилетнего возраста («Ни хрена себе! С десяти лет – бегай, пали?!»), а также любой гражданин другой планеты, свободный, приравненный по своему статусу к свободному гражданину Алусии. («Так-так... дальше... дальше... А! Вот!») Чтобы приобрести необходимое оружие, гражданин должен прийти в оружейный магазин, имеющий лицензию на продажу, и, введя свои данные, приобрести то, что пожелает («Дальше, дальше...»), запрещается владеть оружием рабам! Раб, пойманный с оружием в руках, уничтожается, а на его хозяина налагается штраф в размере рыночной стоимости раба. Исключением из данного правила являются те случаи, когда рабы осуществляют охрану и защиту господина, а также выступают на арене в качестве бойцов. Защищая господина по его приказу, раб приравнивается к оружию, а за использование такового отвечает его господин. Выходя с арены, боец сдает

оружие. Пойманный с оружием вне арены – уничтожается. См. пункт о владении оружием». («Вот так... а чего ты ждал? Рабы с оружием? А как просто казалось – сбежал, пристроился в городе мусорщиком... Ты что, Питер вспомнил? Какие, к черту, тут мусорщики? Джамшудом решил заделаться? Не выйдет! Тут все на виду – везде идет запись, ничего скрыть практически невозможно. Такой тотальный контроль на Земле никому и не снился! Но не может быть, чтобы везде все записывали – не верю!»)

Слава полежал, обдумывая увиденное, потом поднял брови и ругнул себя: зачем тратит время на просмотр коммерческого телевидения, на дурацкую рекламу – когда там показывали что-то хорошее? Когда случалось, что из рекламы можно было извлечь полезную информацию? Тошнотворные сопли в сахаре и туманные намеки на «первого в своем классе» – каком классе, идиоты? «Больше на три процента» – чего больше? Что взято за сто процентов?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.